

З. В. УДАЛЬЦОВА

**НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ
ПРИ ЮСТИНИАНЕ**

Восстания рабов, с особой силой потрясавшие Римскую империю в последние века ее существования, расшатали рабовладельческий строй. Сочетаясь с грозными вторжениями соседних с империей племен и народов, эти восстания ускорили его гибель. В V в. рабовладельческая империя на западе перестала существовать.

Борьба эксплуатируемых масс, теснейшим образом переплетавшаяся с ударами извне, ускорила падение рабовладельческого строя и на востоке — в Восточно-Римской, или Византийской, империи. Но здесь в силу особенностей социально-экономического развития этот процесс не только растянулся на более долгий срок (до начала VII в.), но и принял несколько своеобразные формы. В частности, именно здесь, в Византии V—VI вв., с наибольшей отчетливостью проявилась реакционная роль рабовладельческой надстройки, судорожно пытавшейся сохранить старый, изживший уже себя базис, — рабовладельческую систему производственных отношений. Больше того, мобилизуя все силы старого мира, византийское правительство предпринимало попытки реставрировать рабовладельческие отношения и на Западе, на территориях, некогда принадлежавших Риму. Особенно показательным в этом отношении является период правления Юстиниана I (527—565) — апогей рабовладельческой реакции.

Подобная политика византийского государства является ярким проявлением активной роли надстройки по отношению к базису, о которой говорит И. В. Сталин в своей гениальной работе „Марксизм и вопросы языкознания“. Надстройка порождается базисом не для того, чтобы пассивно „отражать“ его, а для того, чтобы активно служить и помогать ему. „Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиций активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одиозного отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой“¹.

Однако борьба народных масс и в Восточно-Римской империи явилась той непосредственной активной силой, которая остановила наступление реакции и в конечном счете свела на нет ее временные успехи.

Одно из наиболее ярких страниц этой борьбы представляет революционное движение в Северной Африке, развернувшееся в 30—40-х годах VI в., тотчас же после ее завоевания войсками Юстиниана.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

В буржуазной историографии эти революционные события чаще всего замалчивались или изображались в намеренно искаженном виде. Так, например, известный панегирист Юстиниана, французский буржуазный историк Ш. Диль в самых мрачных тонах рисует народное движение в Африке, представляя его как „страшный военный мятеж“, принесший „невиданные“ бедствия населению провинции. Диль всячески восхваляет энергию и мужество византийских полководцев — Велизария, Германа, Соломона и Иоанна Троглыты, подавлявших восстание¹. По стопам Диль идут и многие другие буржуазные ученые².

Между тем, источники VI в. — труды Прокопия Кесарийского³, Новеллы Юстиниана, хроники Комита Марцеллина⁴ и Виктора Тонненненского⁵, поэма африканского грамматика и поэта Флавия Крескония Кориппа — „Иоаннида“⁶, сочинение историка готов Иордана „Romana et Getica“⁷, и др., несмотря на крайнюю тенденциозность, обусловленную классовой принадлежностью их авторов, содержат ценнейший материал для выяснения подлинного характера социальной борьбы в Северной Африке в первой половине VI в. Особенно важны по полноте изложения труды Прокопия. Подобно тому, как его „Война с готами“ рисует яркую картину народно-освободительной борьбы в Италии под руководством Тотилы против восстановления власти рабовладельческой империи, вся вторая книга его сочинения „О войне с вандалами“ фактически посвящена подробному описанию революционного движения в Северной Африке, возглавленного солдатом византийской армии Стотзой⁸.

Эти источники неоспоримо свидетельствуют о том, что движения под руководством Стотзы и Тотилы принадлежат к числу однотипных народных движений, весьма сходных как по своим причинам, так и по характеру, целям и задачам. И то и другое движение представляют собой народно-освободительную войну больших масштабов, охватившую целые провинции — Северную Африку и Италию — и направленную против попытки реставрации рабовладельческих порядков.

* * *

Для конкретного уяснения особенностей народных движений в Северной Африке в VI в. необходимо хотя бы коротко охарактеризовать политику, проводившуюся византийским правительством на завоеванных территориях, как в ходе самой войны с вандалами, так и после их

¹ См. Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle, Paris, 1901; Ego же. L'Afrique byzantine, Paris, 1896, p. 75—83; 333—382.

² Ernest Stein. Histoire du Bas-Empire. t. II, Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949, pp. 318—328; 547—560.

³ Procopius Caesariensis. Opera omnia, De bellis libri I—IV, ed. J. Haury, v. I, Lipsiae, 1905; Historia que dicitur arcana, ed. J. Haury, vol. III, Lipsiae, 1906.

⁴ Marcellinus Comes. Chronicon (Auctarium). Monumenta Germaniae historica, Scriptorum, auctores antiquissimi, vol. XI, pars I, Berolini, 1894.

⁵ Victor episcopus Tonnennensis (Tunnennensis). Chronicon. Monumenta Germaniae historica, vol. XI, pars I, Berolini, 1894.

⁶ Corippus. Johannidos seu de Bellis Libycis, libri I—VIII, (MGH), vol. III, pars II, Berolini, 1878.

⁷ Jordani. Romana et Getica, MGH, vol. V, pars I, ed. Berolini, 1882.

⁸ Такое внимание Прокопия к революционным событиям в Северной Африке является важным свидетельством силы и размаха движения, внушавшего страх господствующему классу Восточно-Римской империи. Вместе с тем, особый интерес Прокопия к этому и другим движениям отражает оппозиционные взгляды автора по отношению к правительству Юстиниана.

разгрома¹. Обильный материал по этому вопросу содержат новеллы Юстиниана, некоторые данные имеются также и в нарративных источниках.

Первоначально византийское правительство очень старательно пыталось завуалировать свои реакционно-реставраторские цели. Основной своей задачей Юстиниан провозгласил отмщение „обид и оскорблений“, нанесенных вандалами официальной церкви и „освобождение народа столь большой провинции от ярма рабства“ (*ecclesiae suae iniurias vindicare dignatus est, et tantarum provinciarum populus a iugo servitutis eripere*)². И хотя внимательное изучение источников совершенно определенно показывает, что, несмотря на всю эту демагогию, византийские войска не встретили активной поддержки со стороны широких слоев населения провинции³ — их поддерживали лишь представители знати, „ортодоксального“ духовенства⁴ и купечества североафриканских городов⁵, — некоторую роль в первоначальных успехах византийской армии эта демагогическая политика все же сыграла⁶.

Однако уже в ходе войны трудовое население Северной Африки увидело истинное лицо завоевателей. Прокопий рисует поистине потрясающую картину бесчинств византийских солдат после победы над вандалами в битве при Трикамаре в декабре 533 г. По его словам, „в течение целой ночи избивали мужчин, с которыми сталкивались, а детей и женщин обращали в рабство“⁷. Они рассеялись по всей округе и занялись охотой за рабами, обезумев от жадности и стремясь захватить как можно большее число пленников⁸. Они бродили всюду, и ими овладело лишь одно чувство — жажда добычи⁹. Особенно много рабов захватили военачальники, приближенные Велизария, отправлявшие захваченных пленников в сопровождении своих подчиненных в Карфаген¹⁰. Подобные картины, повидимому, можно было

¹ Подробному рассмотрению этого вопроса, а также тех изменений в социально-экономическом и прежде всего в аграрном строе Северной Африки, которые произошли после византийского завоевания, будет посвящена специальная работа автора данной статьи.

² *Codex Justiniani*, I, 27, praef.

³ Даже Прокопий, в своем труде „О войне с вандалами“ всячески стремившийся скрыть истинное отношение трудового населения Африки к войскам Велизария, не мог умолчать о том, что „многие ливийские земледельцы“, жившие вокруг Карфагена, вели активную борьбу с захватчиками и приносили головы убитых ими врагов вандалскому королю Гелимеру (*De bello Vandalico*, lib. I, cap. XXIII, § 1—4). Более того, мы располагаем данными о том, что после захвата Велизарием Карфагена в городе был раскрыт заговор против византийцев. Во главе этого заговора стоял карфагенянин по имени Лавр, выданный предателем Велизария и по приказу византийского полководца посаженный на кол перед стенами Карфагена (*Ibid.*, lib. II, cap. I, § 8).

⁴ *Ibid.*, lib. I, cap. XVI, § 9—11; lib. II, cap. XXIII, § 18—29.

⁵ Еще до византийского вторжения „восточные купцы“ в Карфагене поддерживали византийское правительство и вызвали даже преследования со стороны вандалов. Они обвинялись в том, что „побудили царя (Юстиниана. — З. У.) к войне“, были брошены Гелимером в тюрьму, приговорены к смертной казни и освобождены после прибытия византийского флота (*ibid.*, lib. I, cap. XX, § 4—9). Это объясняется, повидимому, тем, что купцы восточных стран, а также часть африканского купечества, связанная торговыми интересами с Византией, особенно с ее восточными провинциями, были также заинтересованы в восстановлении власти византийского правительства.

⁶ *Procop. De bello Vandalico*, lib. I, cap. XVI, § 1—8; cap. XVII, § 6—7; cap. XX, § 18—20.

⁷ *Ibid.*, lib. II, cap. III, § 24.

⁸ *Ibid.*, cap. IV, § 3—4.

⁹ *Ibid.*, § 4—5.

¹⁰ *Ibid.*, § 8.

наблюдать и в других местах завоеванной области. Рабство стало уделом большинства вандалов.

Вместе с тем под прикрытием пышных фраз и многообещающих деклараций правительство Юстианиана немедленно после разгрома вандалов начало фактически восстанавливать в Северной Африке старые порядки римского рабовладельческого государства. Прежде всего, Юстиниан позаботился о восстановлении и укреплении гражданской и военной администрации, — этого мощного рычага в руках правительства для проведения его антинародной политики в африканской провинции. Законом 534 г., изданным на имя Велизария, в Северной Африке была организована преторианская префектура, во главе с префектом претория Африки, который пользовался широкими полномочиями¹. Вся Африка делилась на семь провинций, во главе четырех из них стояли ректоры, другими тремя управляли президы².

Вслед за тем византийское правительство приступает к восстановлению аграрных отношений, господствовавших в Северной Африке в римские времена. Особой, так называемой прагматической санкцией, изданной в 534 г., устанавливалось, что все земли, потерянные прежними собственниками во времена владычества вандалов, должны быть отобраны у незаконных держателей (*iniustus detentatoribus*) и возвращены их старым владельцам³ — императорскому фиску⁴, церкви, а также потомкам римских посессоров и местной африканской романизированной знати (афрам). В 535 г. основные положения прагматической санкции получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в особых новеллах⁵.

Осуществляя эту программу, византийская администрация особенно заботилась о передаче конфискованных у вандалов земель в распоряжение фиска, не останавливаясь даже перед некоторым ущемлением интересов частных лиц. Недаром Прокопий, представитель оппозиционных групп сенатской аристократии, осуждает Юстианиана за то, что после завоевания Африки он „не заботился о том, чтобы закрепить власть над страной и охрану собственности (новых) подданных заслужить неизменное их расположение“, но „... лучшие земли присвоил себе“⁶.

Особым покровительством правительства пользовалась „ортодоксальная“ церковь — важнейшая идеологическая опора реакции, активно способствовавшая укреплению власти рабовладельческой империи⁷. В одной из уже упомянутых новелл 535 г. — *De Africana Ecclesia* — Юстиниан особо подчеркивал, что все движимое и недвижимое имущество церкви, захваченное у нее в период господства вандалов, подлежало немедленному возвращению⁸. В этой новелле, кроме того, подтверждалось распространение на африканские владения церкви общего закона о цер-

¹ *Cod. Just.*, I, 27; I, § 1.

² *Ibid.*, § 2. Перечисляются следующие провинции: Зевгитана, Карфаген, Бизацена, Триполи, Нумидия, Мавритания и Сардиния.

³ *Novellae Justiniani (Nov.)* ed. E. Osenbrüggen, Lipsiae, 1872; Nov. XXXVI, col. 225—226; *Cod. Just.*, I, 27.

⁴ *Procop.* *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XIV, § 9—10; Nov. XXXVI.

⁵ *Nov. Just.* XXXVI и XXXVII.

⁶ *Procop.* *Historia arcana*, cap. XVIII, § 10.

⁷ Византийское завоевание было восторженно встречено африканским „ортодоксальным“ духовенством. Так, на соборе африканских епископов, созванном в 534 г. в Карфагене, духовенство африканских „православных“ церквей выразило свою радость по поводу установления в Африке власти византийского императора (*L a b b e. Sacrosancta Concilia*, lib. IV, col. 1755).

⁸ *Nov. Just.*, XXXVII, col. 226—227.

ковных имуществах, изданного в том же 535 г.¹ Согласно этому закону запрещалось отчуждать каким-либо способом, путем ли продажи, дарения или обмена церковное имущество, движимое и недвижимое, в том числе сельских рабов (ἢ ἀνδράποδα ἀγροικιά) и колонов (ἢ γεωργόν)². Церкви африканского диоцеза получали разрешение отбирать у „незаконных“ владельцев как *res proprias*, так и *possessiones*³. Карфагенской церкви предоставлялись все права, которыми пользовались церкви метрополии⁴. Одновременно все инаковерующие, т. е. ариане, донатисты, иудеи, язычники, подвергались преследованиям; им запрещалось отправлять церковные обряды, занимать какие-либо общественные и административные должности и т. п.⁵

Но рабовладельческая знать и духовенство, наряду с требованием возврата земель, претендовали также и на возвращение зависимого населения, обрабатывавшего эти земли. Поэтому политика византийского правительства была направлена не только на реставрацию крупной земельной собственности, но и старых форм эксплуатации непосредственных производителей. Дело шло именно о реставрации, поскольку и в Северной Африке процесс ликвидации рабовладения, уже мешавшего развитию производительных сил, был значительно ускорен вторжением вандалов (в 30-х годах V в.), которые совместно с восставшими народными массами бывшей римской провинции разгромили политические органы рабовладельческого государства. Даже в источниках, составители которых были явно заинтересованы в извращении истинного характера социальных изменений, происшедших во времена господства вандалов, отмечается, что в этот период многие рабы (*servi rustici*) и колоны „бежали“ из имений своих бывших хозяев и сделались свободными⁶.

Освобождение значительной части рабов и колонов во время вандалского завоевания означало серьезное улучшение положения широких слоев непосредственных производителей африканской провинции. И хотя в дальнейшем, по мере роста классовой дифференциации в самом вандалском обществе и расширения крупного землевладения вандалской знати, последняя начинает широко пользоваться трудом местного населения, стараясь поставить его в зависимое от себя положение, потомки многих из освобожденных рабов и колонов сохранили свою свободу вплоть до конца существования вандалского государства. Об этом со всей определенностью сообщает рескрипт Юстиниана от 552 г. В нем говорится о „колонах, которые во времена вандалов бежали из поместий и жили среди свободных“⁷. О бегстве и освобождении колонов, рустиков и их детей⁸, „которые до прихода счастливейшего войска (т. е. до византийского завоевания. — З. У.) покинули свои места жительства“, говорится и в постановлении 558 г.⁹

¹ Nov. Just., VII, col. 44—54.

² Nov. Just. VII, praef., col. 46; cap. I, col. 49; cap. VI, col. 54.

³ Nov. Just., XXXVII.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. О гонениях, которым подвергались в Африке ариане после победы Юстиниана над вандалами, см. также Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 13, 14, 15; Id. Historia arcana, cap. XVIII, § 10.

⁶ Nov. Just., ed. Schoell. App. VI и IX.

⁷ Ibid., App. VI.

⁸ Имеются в виду *servi rustici*.

⁹ Nov. Just., ed. Schoell, App. IX. Это обстоятельство вынужден признать даже Ш. Дяль. Впрочем в полном соответствии со своими реакционными политическими взглядами он изображает бегство колонов и сельских рабов из имений своих господ

Их возвращения и потребовали в первую очередь представители светской и церковной рабовладельческой знати, устремившейся в Африку вслед за византийскими войсками.

Соответствующее постановление, предписывавшее возврат всех сельских рабов на земли их прежних хозяев, и было издано Юстинианом после разгрома вандалов¹. Таким образом, здесь речь шла о реставрации старых форм эксплуатации непосредственных производителей.

Подобная же политика проводилась правительством Юстиниана и в других завоеванных провинциях. Так, например, после окончательного завоевания Италии Юстиниан прагматической санкцией 554 г. предписал возвратить старым владельцам не только движимое и недвижимое имущество, но и рабов и колонов² и закреплял их за хозяевами на будущее время³. В особой главе прагматической санкции говорилось, что „рабов или колонов (*servas vel colonos*), если окажется, что они удерживаются какими-либо другими лицами, мы приказываем возвратить их прежним господам, вместе с родившимся в течение этого времени потомством“⁴.

Трудовое население как деревни, так и города, сразу же после византийского завоевания испытало на себе „прелести“ „освобождения“ еще и в другом отношении⁵. В Африке, как позднее в Италии и в других завоеванных провинциях, Юстиниан тотчас после завоевания ввел чрезвычайно тяжелые для населения налоги. По словам Прокопия, император, желая „высосать все соки из Ливии и ограбить ее целиком“, „тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать невыносимые налоги, которых прежде не было“⁶. О введении в Северной Африке тяжелых налогов Прокопий говорит и во второй книге своего труда „О войне с вандалами“: „Ввиду того, что в казначейских архивах нельзя уже было найти списков податей, установленных в областях Ливии, которыми в прежние времена обложили их римляне, так как Гензерих с самого начала отменил, а затем и совсем их уничтожил, то императором были посланы Трифон и Евстратий, чтобы они назначили им налоги, каждому по его силам. Но ливийцам они показались неумеренными и невыносимыми“⁷.

Такую же налоговую политику византийское правительство проводило и в других завоеванных областях. Так, например, захватив у вандалов Сардинию и Корсику, византийский полководец Кирил „оба эти острова... вернул в состав римского государства и обложил их налогом“⁸. Позднее, завоевав области Заба (так называемую Первую Мавританию), правитель Африки Соломон „наложил на них уплату податей“⁹.

Кроме того, трудовое население областей, завоеванных империей, должно было на свой счет содержать огромный штат военных и гра-

и превращение их в свободных людей как результат тех „беспорядков“ (!), которыми якобы „сопровождалось правление вандалов“. Ch. Diehl. *L'Afrique byzantine*, p. 396.

¹ Nov. Just., ed. Schoell, App. IX.

² Pragmat. Sanct. 554 г.; cap. VIII — (*res moventes* — рабы и стада), ed. Oserbrüggen, col. 736; cap. XVI, col. 737.

³ Ibid., cap. VIII.

⁴ Ibid., cap. XVI.

⁵ Cod. Just. I, 27, praef.

⁶ Procop. *Historia arcana*, cap. XVIII, § 10.

⁷ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. VIII, § 25.

⁸ Ibid., lib. II, cap. V, § 4.

⁹ Ibid., cap. XX, § 30.

жданских чиновников¹, подвергаясь постоянным вымогательствам и грабежу с их стороны, о чем Прокопий подробно рассказывает в своей „Тайной истории“.

Подлинный характер политики византийских завоевателей очень скоро почувствовали и все те туземные племена Северной Африки, которых Прокопий объединяет общим названием маврусиев.

Еще со времен Мариа эти племена вынуждены были почти непрерывно вести борьбу за свою независимость. Пользуясь разобщенностью и межплеменными столкновениями маврусиев, неизбежными в условиях разложения родового строя, римляне оттеснили их от моря, захватили у них лучшие земли и частью силой, частью подкупом вождей поставили многие из этих племен в зависимое от себя положение. С приходом вандалов маврусии добились на короткий срок независимости, но вскоре вновь вынуждены были обороняться, на этот раз — от посягательств вандалской знати. Источники, в частности Прокопий, сообщают о целом ряде войн между вандалами и маврусиями².

Византийцы умело использовали эти противоречия и щедрыми обещаниями добились того, что во время вторжения войск Велизария в Африку вожди маврусиев заняли выжидательную позицию³. На помощь Гелимеру пришли лишь немногие маврусии, „и те без разрешения начальников“⁴. Но после победы над вандалами обещания были забыты, и византийцы, подобно римлянам, начали стремиться к подчинению туземных племен⁵.

Таким образом, вся деятельность византийских завоевателей в Северной Африке с самого начала была направлена на возрождение порядков рабовладельческой империи, существовавших в провинции во времена римского господства. Эта деятельность являлась проявлением той же реакционной политики византийского правительства, которую оно проводило и на других завоеванных территориях, в частности в Италии.

В Северной Африке, так же, как и в Италии, эта политика являлась непосредственным толчком, вызвавшим новую волну широкого народно-освободительного движения, в котором приняли участие самые различные слои населения провинции, но силу и размах которому придало активное участие в нем народных масс.

Первыми подняли оружие против византийского правительства племена маврусиев⁶. Большинство этих племен уже вступило в период разложения первобытно-общинного строя, но, несмотря на то, что у маврусиев уже имела место значительная социальная дифференциация, их военная организация во многом сохраняла еще особенности народного ополчения — его массовость и мобильность. В этом отношении маврусии несомненно имели преимущества перед рабами и колонами, распыленными по провинции, и поэтому нет ничего удивительного в том, что именно они первыми начали вооруженную борьбу с византийцами.

Восстание носило массовый характер. По данным Прокопия, на борьбу поднялись десятки тысяч маврусиев⁷. О большом размахе и

¹ Организации военной и гражданской администрации в Северной Африке посвящен специальный закон, изданный в 534 г. на имя Велизария (см. *Cod. Just.* I, 27, I, § 1).

² *Procop. De bello Vandalico*, lib. I, cap. VIII, § 5, 7; 14—29, cap. IX, § 3.

³ *Ibid.*, cap. XXV, § 3.

⁴ *Ibid.*, § 2.

⁵ *Ibid.*, lib. II, cap. XI, § 40, 55 и др.

⁶ *Ibid.*, lib. II, cap. VIII, § 9.

⁷ *Ibid.*, cap. XII, § 13. В другом месте говорится о восстании 50 тысяч маврусиев, cap. XI, § 23. Сравн. *Coripp. Johannidos...*, lib. II, 28—161.

серьезной опасности, которую представляло восстание для Византии, свидетельствует и то обстоятельство, что на подавление восстания Велизарий (к этому времени уже возвратившийся в Византию) отправил в Африку большую часть войск под командованием одного из своих приближенных — Соломона¹. Вскоре и сам император вынужден был послать на подкрепление Соломону другое войско во главе с Феодором из Каппадокии и Ильдигером².

Прокопий, вообще крайне враждебно и высокомерно относящийся к „варварам“, старается скрыть действительные причины восстания. Он утверждает, что маврусии восстали „внезапно“ и „безо всякой причины“³. Однако даже из его тенденциозного описания становится совершенно ясно, что основной целью восстания была борьба против гнета рабовладельческой империи, который несли новые завоеватели туземному населению Северной Африки. Из речи, вложенной Прокопием в уста вождей восставших маврусиев, это явствует с полной определенностью: „... борьба сейчас идет о самых важных делах, быть ли нам владыками всей Ливии или рабами у этих наглых людей“⁴. И если для „варварской“ знати „рабство“, быть может, свелось бы всего лишь к потере ею политической независимости, к подданству империи, то для большей части рядовых маврусиев речь шла о рабстве в самом прямом смысле этого слова. Действительно, византийцы, нанеся поражение восставшим, начали в массовом масштабе обращать побежденных в рабов. Так, например, после того как маврусии в одном из сражений были разбиты византийским полководцем Соломоном, „все их жены с детьми попали в рабство“⁵. Особенно страшную картину массового пленения и обращения в рабство рисует Прокопий, рассказывая о поражении маврусиев на горе Бургеон. По его словам, римляне здесь „взяли в плен такое количество женщин и детей, что желающим купить ребенка из маврусиев отдавали за цену овцы“⁶.

О других причинах восстания Прокопий проговаривается, излагая ответ вождей маврусиев на письмо командующего византийскими войсками Соломона, обвинявшего маврусиев в предательском нарушении мира и предлагавшего им „раскаяться“ и заключить с ним соглашение. Маврусии утверждали что сами „римляне“ нарушили с ними договор и стали их притеснять. „Велизарий, обойдя нас широко-вещательными обещаниями, убедил стать подданными императора Юстиниана, а римляне, не предоставив нам никаких выгод, требовали,

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. VIII, § 23.

² Ibid., § 24. Массовый характер восстания подтверждается также следующим сообщением Прокопия: „Только что Соломон прибыл в Карфаген, как пришло известие, что варвары в большом числе появились в Бизакии (= Бизацене. — Э. У.) и грабят все, что находится в этой области. И вот он, спешно поднявшись всем войском, двинулся против них“ (Ibid., cap. XII, § 2). В движении не приняли участие лишь некоторые вожди маврусиев, и среди них Антала, который пользовался рядом привилегий, дарованных ему императором; во время этого первого восстания он сохранил „верность“ византийцам (Ibid., lib. II, cap. XII, § 30), но впоследствии стал одним из наиболее ожесточенных и упорных врагов империи.

³ Ibid., lib. II, cap. VIII, § 9.

⁴ Ibid., cap. XI, § 40.

⁵ Ibid., § 55.

⁶ Ibid., lib. II, cap. XII, § 27. Необходимо отметить, впрочем, что и сами маврусии, нападая на города и местечки Бизацены и Нумидии, брали в плен и обращали в рабство местных жителей (ibid., cap. VIII, § 20—22, cap. X, § 5, cap. XII, § 1 и др.). Однако гнев обращался все же прежде всего на „римских воинов“ и чиновников (ibid., cap. X, § 2).

чтобы мы, мучаясь голодом, были их друзьями и союзниками...¹. В ответе указывалось далее на „несправедливости“ и „насилия“ со стороны римлян², выражавшиеся в „захвате чужого“³. Едва ли можно сомневаться, что речь шла прежде всего о захватах византийцами земель, которыми пользовались маврусии в Нумидии, Бизацене и других областях Северной Африки. В своем ответе Соломону маврусии подчеркивали, что они восстали для того, чтобы „вернуть себе свое“⁴. Под „насилиями“ римлян, видимо, следует также иметь в виду и обложение маврусиев наряду с другими жителями провинции тяжелыми налогами и опустошение византийцами их полей, приведшее к голоду среди маврусиев⁵.

Таким образом, широкое движение туземных племен Северной Африки являлось открытым протестом против захвата византийцами земель, которыми пользовались маврусии, против реставрации римской налоговой системы, против грабежей и притеснений византийских военных и гражданских властей.

Восстание началось в 534 г. в Нумидии и Бизацене (схема № 1), вскоре после окончательной победы византийских войск над вандалами, захвата в плен Гелимера и отъезда Велизария в Византию⁶.

Византийские войска, немногочисленные в отдаленных пограничных районах этих областей, застигнутые врасплох, были наголову разбиты повстанцами⁷ и почти целиком истреблены. Погибли при этом командиры конных отрядов в Бизацене — Айган и Руфин, известные своей храбростью, — что произвело сильное впечатление на командование византийской армии в Карфагене⁸. Маврусии, во главе со своими вождями Кутзиной, Эсдиласой, Юрфутой и Медисиниссой⁹ опустошили значительную часть Нумидии и Бизацены. Тогда против них был отправлен, как уже упоминалось, полководец Соломон со значительной армией. Учитывая размах восстания, он попытался склонить маврусиев к миру посулами, но получил категорический отказ¹⁰.

Первое крупное сражение между византийским войском и маврусиями произошло в области Маммы, где расположен был лагерь восставших¹¹.

Победу одержали византийцы, жестоко отомстившие повстанцам за их мужественное сопротивление¹². По данным Прокопия, в этом

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XI, § 9.

² Ibid., § 10—11.

³ Ibid., cap. XI, § 12.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. В труде Прокопия есть совершенно конкретные данные о причинах голода, на который жалуются маврусии. Прокопий сообщает о том, что византийские войска, предводительствуемые Соломоном, опустошали поля маврусиев, уничтожая посевы (ibid., cap. XIX, § 20). Прокопий говорит о маврусиях-левафах, также жалующихся на то, что византийцы опустошают их поля (ibid., cap. XXI, § 5).

⁶ Ibid., cap. VIII, § 20. Эти указания Прокопия дают возможность установить дату восстания. Гелимер сдался в плен в марте 534 г., Велизарий уехал из Северной Африки вскоре после этого, т. е. весной 534 г., восстание же началось немного спустя после его отъезда.

⁷ Ibid., § 21.

⁸ Ibid., cap. X, § 3—11.

⁹ Ibid., § 6.

¹⁰ Ibid., lib. II, cap. XI, § 1—14.

¹¹ Ibid., cap. XI, § 14—16.

¹² Ibid., § 17—51.

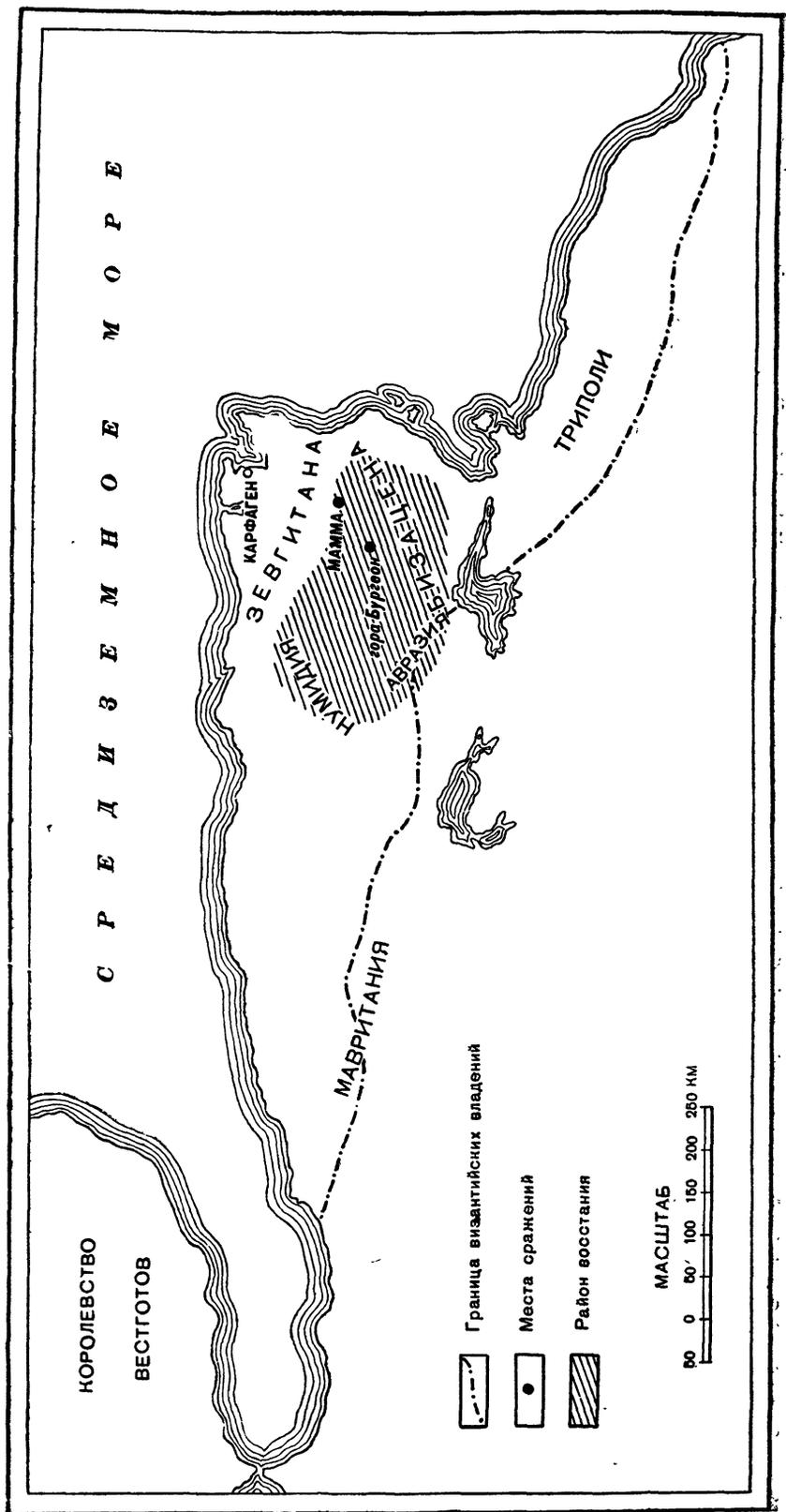

Схема 1.

бою было убито около 10 тысяч маврусиев, а все женщины и дети, находившиеся в их лагере, попали в рабство¹.

Жестокость византийцев вызвала страшное негодование среди мавританских племен. „Пылая гневом, варвары вновь всем народом, не принимая во внимание ни пола, ни возраста, пошли войной против римлян и начали производить набеги на населенные места в Бизакии, не щадя никого, кто попадался им навстречу“². Соломон вынужден был со всем войском опять двинуться в эту область. Маврусии, не желая вступать в сражение с византийцами на открытом месте, расположились лагерем на горе Бургеон³. Здесь Соломону удалось разбить маврусиев, пустив в ход военную хитрость. Он направил в тыл противника отряд, который ночью по отвесным скалам пробрался на вершину горы Бургеон и внезапно напал на повстанцев. В то же время Соломон с главными силами атаковал их с равнины⁴. Маврусии были разбиты и обращены в бегство⁵.

Остатки разбитых повстанцев отступили в Нумидию и обратились за помощью к Иауде, вождю мавританских племен, живших в Авразии⁶, горной области на юге Нумидии. Иауда встал во главе мавританских племен, поднявших оружие против захватчиков в Нумидии и Авразии⁷. Под его знаменем собралось более 30 тысяч „воинственных мужей“⁸.

Однако некоторые вожди мавританских племен, как, например, Массонас, Органас и Мастина, из-за личной вражды к Иауде не примкнули к этому движению, а, наоборот, оказали помощь византийским войскам⁹.

Воспользовавшись этим, Соломон перешел в наступление и даже попытался захватить Авразию. Однако эта попытка закончилась безуспешно. Прокопий объясняет эту неудачу неустойчивой позицией союзников Соломона — мавританских вождей¹⁰. Поспешно отведя свои войска из Авразии и оставив значительную их часть для охраны Нумидии, Соломон отступил в Карфаген¹¹.

Таким образом, хищническая политика византийского правительства в Северной Африке вызвала вооруженное сопротивление туземных племен Бизацены и Нумидии и привела к кровопролитным столкновениям между византийской армией и восставшими племенами маврусиев. Борьба шла с переменным успехом, восставшие, имея численное превосходство, не раз наносили тяжелый урон византийским войскам, но неорганизованность и стихийность движения, вражда между вождями отдельных племен привели к тому, что византийскому полководцу Соломону удалось подавить восстание и вытеснить восставших маврусиев из Бизацены. На этом движение маврусиев временно затухает.

Однако уже в начале следующего, 536 г. в Северной Африке вспыхнуло новое и грозное для византийского правительства восстание, известное по имени его вождя, как восстание Стотзы. На этот

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XI, § 53—55. Впрочем, число погибших маврусиев Прокопием скорее всего преувеличено.

² Ibid., cap. XII, § 1.

³ Ibid., cap. XII, § 3—4.

⁴ Ibid., § 17—20.

⁵ Ibid., § 22—28.

⁶ Ibid., § 29.

⁷ Ibid., cap. XIII, § 1.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., § 19.

¹⁰ Ibid., §§ 37—38.

¹¹ Ibid., § 39.

раз центром движения явилась сама византийская армия. Прокопий сообщает, что „с наступлением весны 536 г., когда христиане справляли праздник, который они называют пасхалией, в Ливии произошло восстание солдат“¹.

Восстания в византийской армии, особенно в период общего кризиса рабовладельческой системы, были частым явлением. В правление Юстиниана они вспыхивали и среди воинских частей, посланных на Восток сражаться с персами, и в частях, стоявших на Балканском полуострове и особенно во время длительных и тяжелых войн с остготами в Италии. Движение в Северной Африке по своим масштабам, целям и задачам далеко выходит за рамки „солдатских мятежей“ и, сливаясь с восстаниями рабов, колоннов и других угнетенных, перерастает в народно-освободительную войну против византийского владычества, аналогичную тому широкому народному движению, которое развернулось в Италии на втором этапе войны с остготами.

Массовое восстание в византийской армии в Северной Африке было вызвано целым комплексом причин. Важнейшими и решающими среди них были причины социально-экономического характера, прежде всего — борьба за землю. В Северной Африке после византийского завоевания первостепенное значение получил вопрос о переделе земель. Земли, конфискованные у вандалов, как уже упоминалось, передавались по решению правительства фиску, церкви и крупным землевладельцам. Однако солдаты, участвовавшие в разгроме вандалов, также претендовали на получение земельных участков в завоеванной провинции. Прокопий рассказывает о том, что византийских солдат якобы побуждали требовать землю их жены — вдовы, сестры и дочери погибших вандалов, — на которых женились солдаты армии Велизария после победы над вандалами при Трикамаре. Вандалки убеждали своих мужей требовать себе те земельные участки, которыми владели ранее их мужья, отцы или братья². Соломон же, главнокомандующий византийской армией в Северной Африке, хотел „записать земельные участки вандалов (τὰ Βαυδύλων χωρία) или на счет государства, или в личную собственность императорского дома“³. Он говорил солдатам: „... Земля должна принадлежать императору и римскому государству, которое их (т. е. солдат. — Э. У.) вскормило и позволило стать воинами не с тем, чтобы они сами для себя приобретали участки земли (τὰ χωρία), которые они отняли у варваров (подчеркнуто нами. — Э. У.), незаконно вселившихся в римскую империю, но для того, чтобы все они (земли. — Э. У.) стали государственным достоянием...“⁴.

Огромное недовольство в армии, вызванное передачей земель, отобранных у „варваров“, казне, церкви, крупным землевладельцам, и послужило одной из важнейших причин восстания.

При этом весьма важно подчеркнуть, что борьба за землю, правда, временно, но все же объединила различные социальные группировки в самой византийской армии. Наряду с простыми солдатами, в захвате земель была заинтересована и более привилегированная часть армии — личная гвардия главнокомандующего Соломона и других военачальников. Прокопий прямо говорит об этом. Он рассказывает о том, что „много телохранителей и щитоносцев Соломона и даже многие из его

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 7.

² Ibid., § 8—9.

³ Ibid., § 10.

⁴ Ibid.

приближенных приняли участие в этом заговоре вследствие желания получить имения¹.

Борьба за землю являлась насущнейшей задачей не только для армии. Этот вопрос волновал особенно сильно народные массы провинции, сельское население Африки, страдавшее от реставрации старых аграрных отношений и передачи земли фиску и прежним владельцам. Следовательно, борьба за землю создавала общую почву для совместного выступления византийских солдат и народных масс Северной Африки.

Другая важнейшая причина восстания заключалась в тяжелом экономическом и правовом положении рядового состава византийской армии, коренившемся в ее имущественном и социальном расслоении. О глубине последнего имеются прямые указания в труде Прокопия. Прокопий сообщает о том, что среди солдат были бедняки, составлявшие основной контингент армии. Так, о войнах Велизария он говорит, что они были „людьми бедными“². Еще с большей определенностью он пишет об этом в другом месте, указывая вместе с тем и на социальную принадлежность этих солдат-бедняков. Так, он вкладывает в уста византийского полководца Германа следующие слова, обращенные к солдатам: „Вас, пришедших из деревни с сумой и в одном рваном плаще, он (император. — Э. У.) собрал в Византии и сделал вас такими, что все счастье римского государства находится в ваших руках“³. Эти слова чрезвычайно важны для понимания вопроса о социальном составе византийского войска, основную массу в котором представляют бедняки, выходящие из деревни⁴.

Положение рядовых солдат было весьма бедственным. Прокопий в „Тайной истории“ говорит, что „условия жизни для солдат при нем (при Юстиниане. — Э. У.) были тяжелы“⁵. По словам византийского историка, вследствие притеснений со стороны правительства, в частности, финансового ведомства, „... воины, как люди, из которых всякими способами вытянули жилы, оказались из всех в самом нищенском положении, и не было уже у них охоты воевать“⁶. В речи, обращенной к восставшим солдатам перед битвой у Мембресы, вождь повстанцев Стотза сравнивал положение солдат византийской армии с положением рабов⁷. Конечно, это относилось в первую очередь к рядовым солдатам, страдавшим от бедности, полного беспорядка и произвола начальников.

Но в армии Юстиниана была и привилегированная прослойка, составлявшая в ней, бесспорно, лишь незначительное меньшинство. Как уже отмечалось, то были в первую очередь, военачальники — командный состав армии, а так же их гвардия — телохранители, личная охрана и приближенные. Считалось большой честью попасть в число телохранителей полководца, и служба эта приносила значительные материальные выгоды⁸. В гвардию полководца попадали лишь те

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 23.

² Ibid., cap. IV, § 3.

³ Ibid., cap. XVI, § 13.

⁴ О том, что солдат набирали из крестьян, недавно потерявших землю, Прокопий говорит и в сочинении „О войне с персами“, lib. I, cap. XVII, § 38—39.

⁵ Procop. Historia arcana, cap. XVIII, § 11.

⁶ Ibid., cap. XXIV, § 8.

⁷ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 30—34, 36.

⁸ Ibid., cap., XVIII, § 7. Обычно крупные военачальники содержали отряды телохранителей на свой счет и щедростью стремились привязать их к себе. Об организации византийской армии см. Ch. Diehl. L'Afrique byzantine, p. 150—178; L. Brehier. Les institutions de l'empire byzantine, p. 334—352.

солдаты, которые считались вполне благонадежными¹. Командиры и их приближенные всячески грабили и притесняли рядовых солдат. Даже сам Юстиниан принужден был признать, что командиры войск, расквартированных в Северной Африке, присваивали себе деньги и провиант, предназначенные на содержание солдат². Злоупотребления командиров приняли в Африке, так же, как и в других провинциях, такие размеры, что правительство вынуждено было принять против этого особые меры³, не принесшие, впрочем, каких-либо реальных результатов. Невыплата солдатам жалования как командирами, так и казначейством, стала хроническим явлением в правление Юстиниана. Об этом многократно упоминают Прокопий⁴ и Корипп⁵.

Среди рядовых солдат все сильнее росло недовольство притеснениями и грабежами командиров и правительства. Большое возмущение солдат вызвало в частности то, что добыча, захваченная после победы над вандалами и маврусиями, досталась лишь небольшой кучке командиров и их телохранителей. Об этом говорит Прокопий, передавая речь Стотзы к солдатам: „победив вандалов и маврусиев, вы на войне насладились только трудами, другие же оказались господами всего остального, всей доставшейся вам добычи“⁶. Оставаясь солдатами императора, продолжал Стотза, „вы опять попадете в то же рабство“ и „получите себе не умеренных и сочувствующих господ, но испытаете невыносимые мучения“⁷.

В другой речи, обращенной к солдатам, оставшимся верными правительству, Стотза говорил: „... вы поднимаете оружие против тех, которые, негодую на постигшие вас беды и несправедливости по отношению к вам, решили вести войну с императором и римлянами. Что же, вы не помните, как вы были лишены давно полагающегося вам жалованья, как у вас была отнята добыча, взятая вами у врагов, которую закон войны отдает как награду за опасности в боях? И всеми благами победы другие считают себя вправе наслаждаться в течение всего времени, вы же живете, поставленные в положение рабов“ (подчеркнуто нами. — З. У.)⁸. Слова Стотзы были, как рассказывает Прокопий, восторженно приняты солдатами, которые перешли на сторону восставших.

Привлекает особое внимание утверждение Прокопия, что восставшие солдаты борются за свободу, за освобождение от рабства. Разумеется, рабство здесь следует понимать не в прямом смысле слова, и освобождение от рабства означает в данном случае лишь избавление от политического бесправия и произвола властей. Однако сравнение положения солдат, — конечно, солдатской бедноты, — с положением рабов вряд ли можно считать лишь пустым риторическим приемом. Бесправные бедняки, недавние выходцы из деревни, из рядов разоренного и обезземеленного крестьянства, солдаты византийской армии находили общий язык с угнетенными и обездоленными рабами, колонами, крестьян-

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XVIII, § 6.

² Cod. Just., I, 27, II, § 9. Деньги и продукты эти получались в качестве налогов с населения.

³ Cod. Just., I, 27; II, 9a, 9b.

⁴ Procop. De bello Vandalico, lib. I, cap. XIII, § 12—17; lib. II, cap. XVI, § 4; cap. XVIII, § 9, cap. XXVI, § 1—12.

⁵ Coripp. Johannidos. . ., lib. VIII, 81.

⁶ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 33.

⁷ Ibid., § 36.

⁸ Ibid., cap. XV, § 54—56.

ской беднотой и вместе с ними плечом к плечу, боролись против ненавистой рабовладельческой империи.

Острые социальные конфликты проявлялись также в усилении религиозной борьбы между арианами и православными, которая в свою очередь давала повод для восстания. Прокопий сообщает о том, что „в войске римлян было не менее тысячи солдат арианского вероисповедания“¹. Подстрекаемые вандалскими священниками, солдаты-ариане приняли самое активное участие в восстании². Причиной их недовольства являлись религиозные преследования со стороны правительства Юстиниана, и, в частности, запрещение арианам выполнять религиозные обряды³. Число ариан было велико как в самой армии, так и среди населения Африки. Поэтому религиозные гонения, со своей стороны, создавали почву для сближения восставших солдат с местным арианским населением.

Другие причины движения в Северной Африке были аналогичны тем, которые, по данным источников, вызвали восстания в византийской армии, сражавшейся в Италии против остготов. Усиление революционных настроений в войске было тесно связано с его „варваризацией“. Как и в Италии, византийские войска, посланные в Северную Африку для борьбы с вандалами, имели пестрый этнический состав. По данным Прокопия, в армии Велизария в Северной Африке были гунны (массагеты)⁴, герулы (эрулы)⁵ и представители других народов. „Варварские“ племена, служившие на положении федератов, составляли значительную часть экспедиционного корпуса, отправленного в Африку. Они, видимо, являлись основным ядром конницы Велизария⁶. Во флоте же служили преимущественно египтяне, ионийцы и киликийцы⁷. Среди командиров преобладали, однако, греки и фракийцы, хотя встречались и „варвары“-герулы (Фара) и массагеты (Синнион и Бала)⁸.

„Варваризация“ армии, бесспорно, способствовала сближению „варваров“-солдат с „варварами“-рабами, колонами, населявшими провинции Римской империи, а также с „варварскими“ племенами, вторгавшимися в ее пределы и завоевывавшими ее территории. Так, Прокопий сообщает о сочувствии гуннов, служивших в армии Велизария, вандалам. Гунны, по словам Прокопия, не выказывали большой преданности делу римлян и по приезде в Африку заключили тайный союз с вандалами, обещав им свою помощь⁹. И в дальнейшем солдаты-„варвары“ приняли активное участие в восстании против правительства. Так, среди солдат-ариан, наиболее решительно выступавших против империи, „большинство было варваров, некоторые же из племени эрулов“¹⁰.

Известную роль в подготовке восстания и в ходе его сыграли и вандалы, уцелевшие после разгрома их Велизарием¹¹. По словам Прокопия, отряд вандалов, численностью около 400 человек, бежал из

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 12.

² Ibid., § 21.

³ Ibid., § 13, 15; Nov., XXXVII.

⁴ Ibid., lib. I, cap. XI, § 10—11; cap. XII, § 8—22; lib. II, cap. I, § 5—6; 9—11; cap. II, § 3—10.

⁵ Ibid., lib. I, cap. XI, § 11, lib. II, cap. XIV, § 12.

⁶ Ibid., lib. I, cap. XI, § 10—13 говорит о 400 герулах и 600 массагетах, которые все являлись конными стрелками.

⁷ Ibid., § 14.

⁸ Ibid., § 11—12.

⁹ Ibid., lib. II, cap. I, § 5—6, 9—11.

¹⁰ Ibid., lib. II, cap. XIV, § 12.

¹¹ Ibid., lib. II, cap. XIV, § 17—20.

плена с острова Лесбоса; эти вандалы вернулись в Северную Африку и приняли деятельное участие в подготовке восстания против византийского правительства¹. „Солдаты, которые были заинтересованы в восстании, подстрекаемые ими, еще более настаивали на своих требованиях“². К ним присоединились и те вандалы, которые оставались в самой провинции и не были отосланы в Византию из-за непригодности к военной службе или те, которым удалось скрыться от преследования византийских солдат³. Таковы причины восстания, вспыхнувшего в византийской армии в 30-х годах VI в.

Однако движение захватило не только армию. Социальный состав восставших был весьма пестрым.

Бесспорно, что основным ядром восставших являлись рядовые солдаты, солдатская беднота. Но особый размах движению придало участие в нем широких масс трудового населения Африки и, в первую очередь, — сельских рабов и колонов.

Говоря о составе повстанческой армии Стотзы, Прокопий сообщает, что в долину Буллы, куда Стотза стягивал свои войска, „собралась к нему огромная масса рабов“ (*ἀφίκετο δὲ οἱ καὶ δοῦλων πολὺς τις ὄμιλος*)⁴. В прямой связи с участием рабов в восстании находится и то, что именно Бизацена, где в более широких масштабах применялся труд рабов и колонов на землях крупных землевладельцев⁵, стала важнейшим центром народного движения. Известно, что в войске Тотилы также было много рабов, сражавшихся совместно с остготами и восставшими солдатами византийской армии против владычества рабовладельческой империи⁶.

Социальный гнет, полнейшее бесправие и крайнее унижение создавали общую почву для совместной борьбы против византийского правительства рядовых солдат, рабов, колонов и всех угнетенных и обездоленных.

Кроме прямых указаний об участии большой массы рабов в движении Стотзы⁷, у нас имеются еще некоторые косвенные данные, свидетельствующие о социальном характере движения и об участии в нем угнетенных масс Северной Африки. Прокопий часто говорит о том, что повстанцы грабили местное население — ливийцев⁸. Но кто были эти ливийцы? Из повествования Прокопия делается очевидным, что это была местная знать. Так, повстанцы грабят имения ливийцев, расположенные близ Карфагена⁹. В самом Карфагене восставшие расправлялись с римлянами и ливийцами — сторонниками Соломона¹⁰. Затем восставшие стали грабить дома тех, „у кого были деньги“, т. е. дома богачей, — римской и местной карфагенской знати¹¹.

Прокопий, в силу своей общей политической тенденции, все время стремится подчеркнуть, что восставшие грабят и убивают местное население. Но и он должен признать, что население африканской про-

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 18—19.

² Ibid., § 20.

³ Ibid., cap. XV, § 3.

⁴ Ibid., § 4.

⁵ Ch. Diehl. L'Afrique byzantine, p. 399—400.

⁶ Procop. De bello Gothico, lib. III, cap. XVI, § 14—15; 25—26; cap. XXV, § 16; lib. IV, cap. XXX, § 2. Pragm. Sanct. (Nov., App. VI), § 2, 4, 8, 15, 16.

⁷ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 4.

⁸ Ibid., cap. XIV, § 28, 29, 36 sq., cap. XV, § 20.

⁹ Ibid., cap. XIV, § 29.

¹⁰ Ibid., § 36.

¹¹ Ibid.

винции поддерживало восставших, а против них выступала лишь местная рабовладельческая знать и „ортодоксальное“ духовенство. Так, жители Карфагена явно склонялись к тому, чтобы сдать город войскам Стотзы¹.

Особенно ясно расстановка классовых сил проявилась при взятии повстанцами города Гадрумета в 545 г. во время второго восстания Стотзы. Повстанцы берут этот город хитростью и, видимо, с помощью его жителей². Стотза и его союзники-маврусии очень мягко обошлись с населением города³. „Желавшим бежать от маврусиев это было не трудно сделать; но многие из них (т. е. жителей Гадрумета. — Э. У.) добровольно остались со Стотзой“⁴. Против повстанцев выступила лишь знать города, „почтенные граждане“ и духовенство, составившие вскоре заговор и передавшие город византийцам⁵. Таким образом, можно предположить, что в Гадрумете, как и в других местах, повстанцев поддерживают народные массы; против них выступают рабовладельческая знать и духовенство. Это делается особенно ясным из того факта, что расправа, учиненная восставшими после предательской сдачи Гадрумета византийским войскам, обрушивается в первую очередь на туземную рабовладельческую знать, которая бежит из Африки и ищет себе спасения в Византии⁶.

Известия Прокопия о разгроме имений и домов местной знати, сведения о том, что в армию Стотзы входили рабы, данные о поддержке восставших со стороны населения, — все это говорит о социальном характере движения. Однако сведений о какой-либо определенной программе восставших источники нам не сохранили.⁷ По словам Прокопия, целью, которую ставили себе восставшие, было „... изгнать всех начальников, поставленных императором, завладеть всей Ливией“.

Таким образом общей целью восстания, объединявшей различные социальные группировки, принимавшие в нем участие, было уничтожение гнета рабовладельцев и власти византийского правительства, стоявшего на страже интересов рабовладельческой знати.

Следствием пестроты социального и этнического состава византийской армии, в которой наряду с солдатской массой имелась более привилегированная и обеспеченная верхушка, явилось то, что в рядах повстанцев нашлись не только отдельные предатели, но и целые группировки, лишь временно примкнувшие к движению в своих корыстных целях⁷.

Эти группировки, примкнувшие к восстанию, оказались в дальнейшем наиболее неустойчивыми и склонными к компромиссу. Именно среди привилегированной части армии имела наибольший успех демагогическая политика Велизария⁸, а затем Германа⁹, политика подкупа и привлечения на свою сторону щедрыми посулами.

Командный состав армии и небольшая группа телохранителей, щитоносцев и приближенных командиров захватила в свои руки после

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 8 sq.

² Ibid., cap. XXIII, § 11—16.

³ Ibid., § 17.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., § 18—25.

⁶ Ibid., § 27—29. Разумеется, наличие среди восставших различных авантюристических элементов приводило к тому, что от грабежей могло страдать и все местное население, а не только знать.

⁷ Ibid., cap. XIV, § 23.

⁸ Ibid., cap. XV, § 11.

⁹ Ibid., cap. XVI, § 4.

победы над вандалами львиную часть добычи¹, в том числе и рабов². Владея большими богатствами и значительным числом рабов, эти прилеглированные слои армии не могли иметь общий язык с восставшими рабами и колонами африканской провинции, а также и с рядовыми солдатами. Часть из них сохраняла верность императору, другие если и примкнули к восстанию, движимые корыстными побуждениями (вспомним, что они не имели земли, которая была передана старым владельцам), то только для того, чтобы использовать его в своих интересах, а затем предать восставших.

Ярким примером такой предательской политики служит поведение одного из командиров африканского экспедиционного корпуса Феодора Каппадокийского и его приближенных. В начале восстания Феодор примкнул к движению и был даже избран вождем восставших солдат карфагенского гарнизона³. Однако с первых же шагов он действует предательски. Он тайно помогает Соломону и самому Прокопию бежать из Карфагена в Сиракузы к Велизария⁴. Ему же Соломон поручает охрану Карфагена⁵, — это поручение он выполняет весьма усердно. На предложение повстанцев во главе со Стотзой сдать Карфаген, Феодор отвечает отказом, решив сохранить Карфаген для императора⁶. Среди сторонников Феодора Каппадокийского мы находим некоего Иосефия, „секретаря царской стражи, человека видного, бывшего одним из домохозяев Велизария“⁷. Этого Иосефия Феодор отправляет в лагерь Стотзы для переговоров, предлагая заключить соглашение⁸. В дальнейшем Феодор Каппадокийский и его сторонники играют самую активную роль в борьбе с повстанцами.

Классовое лицо Феодора Каппадокийского и его приближенных достаточно ясно: это были представители именно той верхушки армии, которая хотела возглавить движение лишь для того, чтобы обезглавить его.

Немало было в армии и авантюристических элементов, примкнувших к движению с целью грабежа и наживы; были и весьма неустойчивые группировки, переходившие то на сторону повстанцев, то на сторону правительства, в зависимости от того, кому в данный момент улыбалось военное счастье.

Однако наличие авантюристических и социально-чуждых народу элементов отнюдь не меняет общего революционного характера движения в целом.

— Обратимся теперь к самому ходу восстания.

Как уже указывалось, восстание началось весной 536 г.⁹ По данным Прокопия, восстание было заранее подготовлено и восставшие имели своих вождей¹⁰. Еще до открытого выступления среди византийских солдат велась широкая агитация. „.. И много было разговоров об этом (т. е. восстании. — Э. У.) в лагере и взаимных клятв“¹¹.

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 54—56.

² Ibid., cap. IV, § 3—4, 8; cap. XIV, § 10.

³ Ibid., cap. XIV, § 34.

⁴ Ibid., § 37—39.

⁵ Ibid., § 40—42.

⁶ Ibid., cap. XV, § 6.

⁷ Ibid., § 7.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., cap. XIV, § 7; Marcell. (Chronicon, col. 104) относит восстание к 535 г. Ср. Jord. Romana et Getica, col. 48.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico cap. XIV, § 22.

¹¹ Ibid., § 21.

Большую активность проявили ариане¹, а арианские священники прямо призывали солдат к восстанию².

Вождями движения был составлен заговор, целью которого являлось убийство Соломона, главнокомандующего византийской оккупационной армией в Северной Африке. Заговорщики решили убить Соломона на первый день пасхи (23 марта 535 г.), во время торжественной службы в храме³. Однако по неизвестным причинам замысел заговорщиков не был осуществлен⁴, и многие из них, боясь, что заговор будет открыт, „ушли из города (Карфагена.— Э. У.) и стали грабить близлежащие имения ливийцев“⁵.

Узнав о заговоре, Соломон был сильно напуган и решил привлечь на свою сторону оставшихся в Карфагене солдат „лаской“ и „убеждением“. Сперва, казалось, он имел некоторый успех. Но на пятый день оставшиеся в городе солдаты, „... собравшись на ипподроме, без стеснения стали поносить Соломона и других вождей“⁶. Началось открытое возмущение. Характерно, что центром движения явился ипподром; туда устремились восставшие солдаты, быть может, в поисках поддержки со стороны народных масс Карфагена. Соломон пытался повести с восставшими переговоры через Феодора Каппадокийского, но безуспешно. Более того, восставшие солдаты избрали Феодора Каппадокийского своим вождем (они знали о личной вражде Феодора с Соломоном) и, схватив оружие, стремительно двинулись ко дворцу, резиденции Соломона. Захватив дворец, они убили начальника дворцовой стражи и начали громить дома знати⁷.

Соломон, в страхе перед восставшими, бежал в один из храмов и скрылся там. Ночью, при помощи Феодора Каппадокийского, занявшего явно предательскую позицию по отношению к восставшим, Соломон, вместе с Мартином, Прокопием (историком) и пятью другими приближенными, сев на корабль, тайно отплыл из Карфагена. Беглецы вскоре пристали к небольшому приморскому городу Мисуа, откуда Соломон послал Мартина в Нумидию собирать силы для борьбы с повстанцами. Оттуда же он отправил письмо к Феодору Каппадокийскому и поручил ему охрану Карфагена, сам же с Прокопием направился в Сиракузы, к Велизарию⁸.

Из дальнейшего рассказа Прокопия делается очевидным, что после бегства Соломона и победы восставших в Карфагене среди повстанцев произошел раскол. Наиболее революционная часть восставших ушла из города. В самом Карфагене власть захватили „умеренные“ элементы во главе с предателем Феодором Каппадокийским, тайно связанным с Соломоном.

Ушедшие из Карфагена повстанцы собрались на равнине Буллы и избрали себе начальником Стотзу, „человека смелого и предприимчивого“⁹.

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 21.

² Ibid., cap. XIV, § 13.

³ Ibid., § 22.

⁴ Ibid., § 25—28. Прокопий говорит, что заговорщики не убили Соломона „или стыдись столь прославленного вождя, или, может быть, какое-либо божественное наитие помешало им в этом“ (§ 25). Возможно, автор сознательно умалчивает о причинах неудачи заговора.

⁵ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 29.

⁶ Ibid., § 31.

⁷ Ibid., §§ 35—36.

⁸ Ibid., § 38—42.

⁹ Ibid., cap. XV, § 1. Coripp. Johannidos... lib. III, 305. Корипп крайне враждебно настроен к Стотзе и дает чрезвычайно тенденциозное описание восстания в Африке. См. также Theophani Chronographia, ed. de Boor, p. 203. 12.

Под знаменами Стотзы собралась большая по тому времени и неплохо вооруженная армия, численностью около 8 тыс. человек. К этой армии вскоре присоединились отряд вандалов, состоящий из 1000 воинов, и „огромная масса рабов“¹.

Повстанческая армия под командованием Стотзы двинулась к Карфагену, надеясь взять город без боя², с помощью восставших в самом городе. Однако Феодор Каппадокийский на предложение Стотзы открыть ворота города ответил отказом. Более того он посылал к повстанцам Иосефия³, одного из приближенных Велизария, с предложением „прекратить насилия“⁴. Очевидно, что для „умеренной“ части восставших, засевших в Карфагене, революционная армия Стотзы представляла большую угрозу: интересы тех и других окончательно разошлись с момента присоединения к армии Стотзы рабов и других угнетенных и обездоленных слоев местного населения.

Происходит открытый разрыв. Стотза начинает осаду Карфагена⁵. В самом городе еще были сильны сторонники Стотзы, ему явно сочувствовало беднейшее население Карфагена, да и многочисленная повстанческая армия, стоявшая у стен Карфагена, навела страх на колеблющиеся элементы в городе. Осажденные готовы были сдать Карфаген Стотзе⁶.

В это время из Сицилии прибыл Велизарий⁷. Прокопий утверждает, что одно только появление Велизария, притом лишь с небольшим отрядом в 100 человек личной охраны, привело к тому, что армия Стотзы, насчитывающая свыше 9 тысяч вооруженных и обученных воинов и большое число рабов, колонов, бедноты из местного населения, якобы обратилась в бегство⁸. Рассказ Прокопия совершенно неправдоподобен. Скорее всего, Велизарий, тайно прибыв в Карфаген и проникнув в город при помощи своих сторонников из числа приближенных Феодора Каппадокийского, умело использовал внутренние разногласия в лагере восставших, пустив в ход подкуп и заманчивые обещания. Таким путем ему удалось отколоть от восставших колеблющиеся элементы, собрать войско, „в количестве около двух тысяч человек и, побудив их словами быть преданными императору, подкрепив свои речи большими денежными подарками“⁹, двинуться против повстанцев. Можно предположить, что агенты правительства в войске повстанцев распространяли слухи, преувеличивающие силы Велизария. Все это, по видимому, и привело к тому, что повстанцы, предположив, что Велизарий якобы располагает большими силами, отступили от города.

Однако борьба продолжалась и достигла большого ожесточения. Еще до решительной битвы армии Стотзы с войсками Велизария, „большое количество римских воинов“ было убито повстанцами¹⁰.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 3—4.

² Ibid., § 2.

³ Ibid., § 7.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., § 8.

⁶ Ibid.

⁷ Marcell. Chronicon, ad anno 535, col. 104; Jord. Romana et Getica, col. 48; Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 9.

⁸ Ibid., § 9—10. Ch. Diehl (L'Afrique byzantine, p. 80—81) всецело поддерживает версию Прокопия.

⁹ Procop. De bello Vandalico, § 11. Это подтверждает и Марцеллин. Он сообщает, что Велизарий справился с восстанием солдат как „лаской“, так и строгими мерами (partim blandiendo, partim ulciscendo). Marcell. Chronicon, ad anno 535, col. 104.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 20.

Крупное сражение между войсками Стотзы и Велизария произошло в 536 г. около города Мембресы, расположенного на расстоянии 350 стадий от Карфагена, на берегу реки Баграда¹. Перед сражением вождь повстанцев Стотза обратился к своим войнам с горячей речью. „Воины, освободившиеся вместе со мной от римского рабства! Пусть никто из вас не сочтет недостойным умереть за ту свободу, которую вы приобрели себе своим мужеством и доблестями!..“². Призывая товарищей по оружию доблестно сражаться против византийцев, Стотза в своей речи подчеркивал, что „... по численности враги далеко уступают нам, и идут против нас вовсе не с воодушевлением. Думаю, что они сами мечтают как бы стать участниками этой нашей свободы“³. Вместе с тем, по единодушному свидетельству источников, как Прокопия, так и Кориппа, повстанцы проиграли это сражение⁴. Причины поражения армии Стотзы не совсем ясны. Прокопий объясняет поражение повстанцев неблагоприятной погодой: сильный и удушливый ветер с песком, дувший в лицо восставшим, заставил их уже перед самым началом боя перестроить свои ряды. Велизарий умело использовал благоприятный момент и внезапно ударил на них с фланга. Это привело к замешательству в рядах повстанцев и обеспечило победу Велизария. Однако победа не была значительной, ибо потери повстанцев были невелики, и большая часть их отступила в Нумидию. Велизарий, не располагая достаточным количеством войск, не решился преследовать Стотзу и поспешил вернуться в Карфаген⁵. Здесь его ожидало новое тревожное известие о „мятеже“, вспыхнувшем в его войске, находящемся в Сицилии. Понимая серьезность этого восстания, „грозящего привести в беспорядок все дела“⁶, Велизарий спешно отправляется в Сицилию, поручив управление в Карфагене Ильдигеру и Феодору Каппадокийскому⁷, заслужившему это назначение своим предательским поведением по отношению к восставшим.

Вскоре революционное движение разгорается с новой силой, и повстанцы одерживают ряд блестящих побед. Близ местечка Газофилы, расположенного в двух днях пути от Константины, лицом к лицу сошлись две армии — войска правителя Нумидии Марцелла и повстанческая армия Стотзы.

„Когда два войска были близко одно от другого, — рассказывает Прокопий, — и уже вот-вот готовы были вступить в рукопашный бой, Стотза, один выйдя на середину между войсками“⁸ (эпизод, свидетельствующий о большой личной храбрости вождя восставших), произнес пламенную речь, призывая солдат Марцелла присоединиться к восстанию и обратить оружие против угнетателей. „Если вы недовольны мною, — говорил Стотза, — вы можете убить меня, ... если же вы не можете меня ни в чем упрекнуть, то время уже вам, взяться за оружие в ваших личных интересах“⁹. „И солдаты, — продолжает Прокопий, — с полным сочувствием приняли его слова и приветствовали его, высказывая

¹ Ibid., § 11—12.

² Ibid., § 30.

³ Ibid., § 39.

⁴ Ibid., § 40—45. О победе Велизария в битве при Мембресе восторженно говорит Корипп. (Johannidos..., libr. III, 311—314, col. 34). См. также Theoph. Chronogr., 203, 18, 22.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 47.

⁶ Ibid., § 48.

⁷ Ibid., § 49.

⁸ Ibid., § 53.

⁹ Ibid., § 57.

ему полное расположение⁴¹. Командиры императорского войска в панике бежали в Газофилы и скрылись в одном из храмов. „Соединив оба войска воедино“⁴², Стотза двинулся против них, взял Газофилы и, захватив византийских военачальников, приказал всех их перебить³.

Движение Стотзы приобрело столь угрожающий для правительства характер, что Юстиниан принужден был принять экстренные меры. В Африку был послан племянник императора Герман с большими полномочиями, но с малым войском⁴. Занятый тяжелой войной в Италии, Юстиниан не располагал военными силами для посылки в Африку.

По прибытии в Африку Герман первым делом произвел перепись всех солдат, оставшихся верными империи. Итог был весьма плачевным для правительства, — выяснилось, что „только одна треть войска находится в Карфагене и других городах, все же остальные ушли и соединились с тираном (со Стотзой. — Э. У.) против римлян“⁵.

Эти слова Прокопия свидетельствуют о необычайно широком размахе революционного движения в византийских войсках, расквартированных в Северной Африке.

При таких критических обстоятельствах Герман принужден был прибегнуть к демагогическим мерам и попытаться подкупом, обещаниями, „ласковыми“ речами отколоть от восставших колеблющиеся элементы и привлечь их на сторону правительства. Солдатам было полностью выплачено жалованье, а участникам восстания, вернувшимся в армию императора, гарантировалась безнаказанность и также выплачивалось жалованье, даже и за то время, „когда они воевали против римлян“⁶.

Политика Германа имела известный успех, и часть неустойчивых элементов из армии Стотзы перешла на его сторону⁷.

Тем не менее, мужественный вождь повстанцев решил встретиться с Германом лицом к лицу и в открытом бою испытать воинское счастье. Надеясь на поддержку солдат карфагенского гарнизона⁸, он вновь двинулся со всем войском к Карфагену.

Однако и на этот раз надежды Стотзы не сбылись, и он принужден был отступить в Нумидию⁹ для того, чтобы собрать новые силы. Здесь с армией Стотзы соединились отряды вновь поднявшихся на борьбу с империей маврусиев во главе с их вождями Иаудой и Ортатей¹⁰.

Решительное сражение между повстанческой армией и войсками Германа произошло в 537 г. близ местечка Скалас Ветерес¹¹. Перво-

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 58.

² Ibid., § 59.

³ Ibid., ср. J. r d. Romana et Getica, col. 48. III. Диль, крайне враждебно относящийся к народному движению, осуждает Стотзу за „бесцельное“ (!) убийство командиров, преданных императору. Ch. Diehl. L'Afrique byzantine, p. 82.

⁴ Procop. De bello Vandalico, cap. XVI, § 1. Marcell. Chronicon, ad anno 536, col. 104.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XVI, § 3.

⁶ Ibid., § 5.

⁷ Ibid., § 6—7. Marcell. (Chronicon, col. 105) говорит о „счастливым“ правлении Германа в Африке. Ch. Diehl (L'Afrique byzantine, p. 83), следуя своей общей тенденции, крайне восхваляет правление Германа.

⁸ Procop. De bello Vandalico, cap. XVI, § 9. Эти надежды, в данном случае, впрочем, не оправдавшиеся, имели, однако, основание: вскоре в Карфагене действительно вспыхнуло восстание солдат под руководством Максимиана.

⁹ Ibid., cap. XVII, § 1.

¹⁰ Ibid., § 8.

¹¹ Ibid., § 3. О битве при Скалас Ветерес и победе Германа говорит также и Coripp. (Johannidos. . . , lib. III, 314—399, col. 34—35).

начально победа явно склонялась на сторону повстанцев. Отборный отряд восставших во главе со Стотзой нанес удар по правому флангу противника. Солдаты правого фланга „... не оказав никакого сопротивления, безо всякого порядка бросились бежать. Мятежники тотчас же захватили все их знамена и изо всех сил преследовали бегущих“¹. Победа Стотзы, казалось, была уже близка. Однако Герману ценой огромных усилий удалось привести в порядок часть своего войска и бросить ее в контратаку². Завязалась жестокая рукопашная схватка, в которой победу одержали императорские войска. Стотза проявил исключительное мужество и энергию. Он появлялся в самых опасных местах боя³, но превосходство сил было уже на стороне Германа, и повстанцы проиграли сражение⁴.

Одной из основных причин поражения явилось отсутствие необходимой дисциплины и строгой централизации командования. Так, еще в самом начале сражения отряд герулов не подчинился Стотзе и вынудил его „на ходу“ менять план атаки⁵. Недостаточная организованность повстанческих войск особенно пагубно сказалась во время рукопашного боя, когда воины Стотзы, не отличаясь от воинов Германа ни одеждой, ни языком, лишь с трудом узнавали друг друга⁶.

Большую роль в поражении войск Стотзы сыграла и неустойчивая, а потом и явно предательская позиция некоторых вождей маврусиев. Еще перед боем „не все они (т. е. вожди маврусиев. — З. У.) были верны Стотзе и его товарищам“⁷, но некоторые из них вели тайные переговоры с Германом, поддавшись на его посулы. В начале сражения маврусии соблюдали нейтралитет, построив свои войска отдельно от армии Стотзы и ожидая исхода боя. Но когда победа стала клониться на сторону Германа и его войска захватили лагерь Стотзы, многие маврусии, в надежде на добычу, бросились преследовать повстанцев⁸, оказав тем самым существенную поддержку Герману⁹.

Стотза с немногими товарищами по оружию, главным образом вандалами, принужден был скрыться в Мавританию¹⁰.

Но несмотря на поражение, понесенное основными силами восставших — армией Стотзы, революционное движение в провинции продолжалось. Вскоре после сражения у Скалас Ветерес зимой 537/38 г., вспыхивает восстание солдат в самом Карфагене, под руководством некоего Максимиана¹¹. Прокопий должен признать, что Герман вынужден был во время этого восстания попытаться задобрить и привлечь на свою сторону вождя восставших, „так как дела в Ливии находились еще в шатком положении“¹². Это говорит о том, что революционное

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XVII, § 17.

² Ibid., § 18—19.

³ Ibid., § 34.

⁴ Ibid. Следует отметить, что в этом бою одним из командиров византийских войск был Феодор Каппадокийский.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XVII, § 14—15.

⁶ Ibid., § 21—22.

⁷ Ibid., § 9.

⁸ Ibid., § 31.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., § 35. Marcell. Chronicon, ad anno 537, col. 105.

¹¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XVIII, § 1—18. Ch. Diehl (L'Afrique byzantine, p. 86) рисует это восстание в крайне искаженном виде. Он восхваляет Германа за энергичные меры, принятые для подавления восстания, умалчивая о его коварстве и о жестокой расправе с вождем восставших.

¹² Procop. De bello Vandalico, cap. XVIII, § 5

брожение в провинции не прекращалось. Герману лишь с трудом удалось подавить восстание Максимиана, искусно использовав раскол в среде восставших¹.

Вскоре после этого Герман был отозван императором в Византию, а наместником Африки вновь был назначен Соломон².

Для водворения „порядка“ в провинции Соломон принимает чрезвычайные меры: производит строжайшую чистку армии и всех „подозрительных“ отправляет в Византию или в Италию, „набирая на их место новых солдат“³; выселяет из Африки всех вандалов; проводит военное строительство с явно „охранительной“ целью⁴.

Вскоре возобновляются открытые военные действия между Соломоном и племенами маврусиев. Соломон вновь совершает поход в Авразию против Иауды.

Во время этого похода маврусии нанесли поражение одному из военачальников византийской армии Гонтарису⁵. Борьба достигла большой степени ожесточения; об этом свидетельствует рассказ Прокопия о затоплении маврусиями местности вокруг лагеря византийцев путем отвода течения реки Абигас⁶, что поставило византийские войска в крайне затруднительное положение. Однако в открытом бою византийцы, благодаря более совершенной организации их войск и лучшему вооружению, держивали верх⁷, и маврусии вынуждены были скрываться в горных крепостях, используя тактику партизанской борьбы⁸. Иауда с 20 тысячами маврусиев заперся в выстроенной им крепости Зербула⁹. Войска Соломона, опустошив земли Авразии близ города Тамагуды и уничтожив жатву¹⁰, начали осаду Зербулы. Но Иауда отступил в горы и, засев в горной крепости Тумар, ожидал приближения врагов. Византийцы, взяв и разграбив крепость Зербулу¹¹, двинулись против Иауды. Началась осада крепости Тумар. Осада была крайне трудной. Осаждавшие страдали от недостатка воды и продовольствия, и в войсках Соломона началось брожение¹².

Однако крепость была взята византийцами. Раненый в бедро Иауда бежал в Мавританию. Соломон, оставив гарнизоны в Авразии, двинулся в области Заба и подчинил их власти византийцев. В 539 г. движение в провинции временно пошло на спад и было подавлено¹³.

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XVIII, § 3; 11; 13; 15.

² Ibid., cap. XIX, § 1. Marcell. Chronicon, ad anno 539, col. 106.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XIX, § 3.

⁴ По словам Прокопия, „каждый город он окружил стеною“ (ibid., § 3). В другом месте Прокопий прямо говорит о цели этого военного строительства Соломона. Рассказывая о восстании Гонтариса, Прокопий упоминает о том, что Соломон незадолго до этого события один из карфагенских храмов „в страхе перед солдатскими бунтами окружил стенами и сделал из него очень сильное укрепление“ (ibid., cap. XXVI, § 17). Эти известия Прокопия вполне совпадают с данными трактата „О постройках“ и являются дополнительным свидетельством того, что строительная деятельность правительства Юстиниана имела своей целью не только защиту от нападений извне, но и от народных восстаний внутри империи.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XIX, § 7, 9. Гонтарис впоследствии поднял восстание против правительства. См. ниже.

⁶ Ibid., § 14—16.

⁷ Ibid., § 17.

⁸ Ibid., § 18.

⁹ Ibid., § 19.

¹⁰ Ibid., § 23—31.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., cap. XX, § 1—4.

¹³ Marcell. Chronicon, ad anno 540, col. 106; Coripp. (Johannidos...), lib. III, 28—34; 283—292; 320—336) прославляет „благоденствие“ Африки в период после

Четыре года спустя, т. е. в 543 г., революционное движение в Северной Африке вспыхнуло с новой силой (схема № 2). Толчком к новому восстанию послужила вероломная политика наместника Триполи Сергия по отношению к одному из племен маврусиев — левафам¹. Сергий предательски перебил 80 послов этого племени, явившихся к нему в город Большой Лептис (*Leptis Magna*) для переговоров о возобновлении мирного договора².

Возмущенные этим вероломством маврусии-левафы тотчас подняли восстание и, вооружившись, двинулись против византийцев³. В происшедшем сражении близ Большого Лептиса маврусии, еще не успевшие собрать основные силы, были разбиты, а „большое количество их женщин и детей было обращено в рабство“⁴. Однако „спустя некоторое время варвары с большими силами двинулись против римлян“⁵. Они вторглись в Бизацену, грабя и опустошая все на своем пути. Здесь к ним присоединился Антала, ранее сохранявший верность правительству Юстиниана, теперь же ставший одним из его ожесточеннейших врагов⁶.

В 544 г. в битве у местечка *Cillium*⁷, расположенного близ города Тебесты (отстоящего от Карфагена на расстоянии 6 дней пути)⁸, византийские войска были наголову разбиты объединенными силами маврусиев Триполи и Бизацены, а византийский полководец Соломон убит⁹. Причиной блестящей победы восставших являлось не только

подавления восстания, в таком же духе рассказывает об этом Procop. (*De bello Vandalico*, cap. XX, § 33). Характерно, что им вторит и Ch. Diehl (*L'Afrique byzantine*, p. 92—93).

¹ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 2 sq.

² Интересно сравнить рассказ Прокопия об этом событии в его труде „О войне с вандалами“ и в „Тайной истории“. В первом сочинении Прокопий стремится найти оправдание вероломному убийству Сергием послов левафов. По его словам, „эти варвары явились в город с предательской мыслью устроить покушение и убить Сергия“ (*ibid.*, § 4). Прокопий умалчивает здесь о каких-либо клятвах и обещаниях Сергия, данных послам левафов. Само описание пира, на котором были перебиты послы, дано тенденциозно, Сергей выступает здесь как обороняющаяся сторона (*ibid.*, § 6—11). Совсем иное освещение этого события дается Прокопием в „Тайной истории“, где Прокопий прямо говорит, что Сергий убил послов „без всякого на то основания“... „эти люди пришли к Сергию без всякого злого умысла, и Сергий не имел против них никакого подозрения. И тем не менее, связанный клятвою, пригласив их на пир, он без всякого угрызения совести их перебил“ (*Historia arcana*, V, § 28).

³ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 12. Об убийстве послов левафов, как причине новой войны и многих „бедствий“ для населения провинции говорит и Coripp. (*Johannidos*... , lib. II, 36—40).

⁴ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 14. В 544 году.

⁵ *Ibid.*, § 16.

⁶ Procop. (*De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 17) объясняет это тем, что Соломон отнял у Антала „хлебные выдачи“, пожалованные ему Юстинианом и „казнил его брата, возложив на него вину за произошедшее среди живущих в Бизацене волнение“. Coripp. (*Johannidos*... , lib. II, 28; lib. III, 384; lib. IV, 364, 366) подтверждает это и называет имя брата Антала — Guarizila. Это сообщение Прокопия и Кориппа привлекает внимание тем, что свидетельствует о непрекращавшихся восстаниях в Бизацене и в тот промежуток времени, который сами же эти авторы изображают как время благоденствия и процветания провинции Африки.

⁷ Название местечка *Cillium*, где произошла эта битва, сохранил лишь один Vict. Tonnen. (*Chronicon*, ad anno 543, col. 201). *Cillium*, или колония *Cillitana* — небольшое селение, расположенное на пути из Тебесты в Гадрумет.

⁸ Procop. *De bello Vandalico*, cap. XXI, § 19.

⁹ *Ibid.*, cap. XXI, § 25—28; Coripp. (*Johannidos*... , lib. III, 412—415, 428—432) обвиняет в поражении византийских войск Гонтариса, уже тогда якобы изменившего Соломону; Marcell. *Chronicon*, ad anno 541, col. 106; Vict. Tonnen. (*Chronicon*, ad anno 543, col. 201) сообщает, что Соломон был убит в битве с войсками Стотвы.

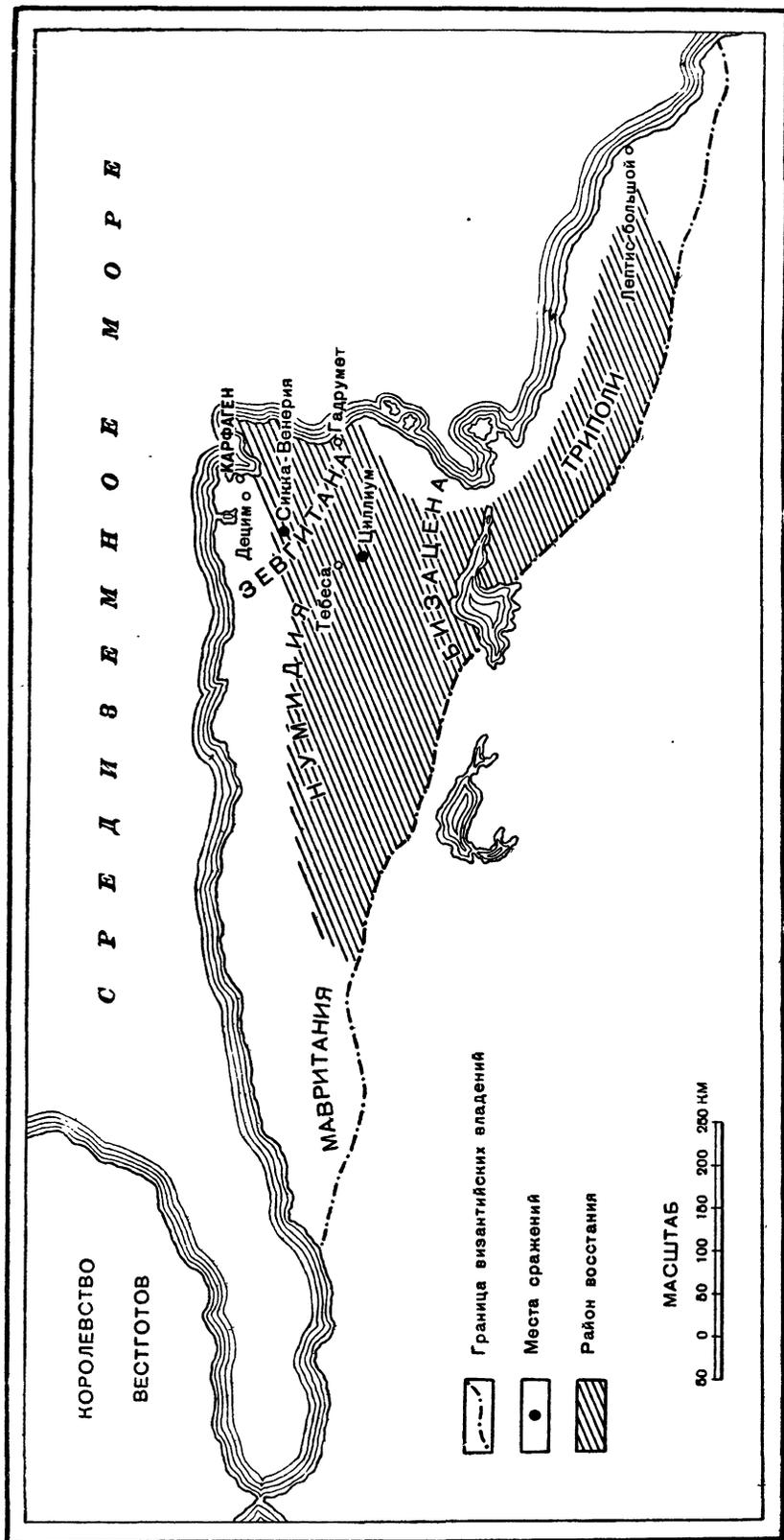

Схема 2.

их численное превосходство¹. Большую роль в победе повстанцев сыграло поведение самих византийских солдат. Солдаты, возмущенные, по словам Прокопия, тем, что Соломон не разделил между ними захваченной ранее добычи, „стали отказываться сражаться, а другие шли в бой без воодушевления“², и затем обратились в бегство³. Особо важное значение имеет известие Кориппа о том, что на сторону восставших перешли все войска, набранные из местного населения⁴. Это свидетельствует о том, что в византийских войсках вновь с новой силой началось антиправительственное движение, а недовольство и брожение среди солдат, видимо, и не прекращалось.

Поэтому вполне понятно, что весной следующего, 545 г. Стотза, прибывший из Мавритании, вновь встретил широкую поддержку и вновь возглавил массовое восстание против империи⁵. Население провинции явно сочувствовало восстанию⁶, тяготясь правлением Сергия (назначенного наместником Африки после смерти его дяди Соломона)⁷.

Центром восстания вновь стала Бицаена⁸. Повстанцы одержали ряд значительных побед. Ими был разбит и взят в плен начальник всех византийских войск в Бицаене Гимерий. Солдаты Гимерия сдались повстанцам и присоединились к войскам Стотзы, заявив, „что с большой охотой будут сражаться против римлян“ (*ὁμιλοῦντας ὀφίσι σὺν προθυμίᾳ πολλῇ ἐπὶ Ῥωμαίους στρατεύεσθαι*)⁹.

Затем, при помощи военной хитрости, использовав при этом захваченного в плен Гимерия, повстанцы овладели большим приморским городом Гадруметом¹⁰. Восставшие мягко обошлись с жителями города и, оставив в нем лишь небольшой отряд, удалились оттуда. Беспечность их, однако, дошла до того, что из Гадрумета без всякого труда бежали знатные пленники Гимерий и Севериан. Но многие из взятых

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXI, § 20, 26.

² Ibid., § 25.

³ Ibid., § 26.

⁴ Coripp. Johannidos..., lib. II, 412—415. О наборе войск в Африке, прежде всего лимитанов, из местного населения говорится в законе 534 г. Cod. Just., I, 27, II.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XXII, § 5—6.

⁶ Ibid., § 6.

⁷ Procop. De bello Vandalico, cap. XXII, § 1. Marcell. Chronicon, ad anno 541, col. 106. Ливийцы ненавидели Сергия, по словам Прокопия, за то, что „он был исключительным любителем чужих жен и чужой собственности“ (Procop. De bello Vandalico, cap. XXII, § 2). Сергий не пользовался популярностью и среди солдат, вследствие трусости и малодушия, а подчиненные ему начальники византийской армии ненавидели его за крайнее высокомерие и тщеславие. „Все были недовольны его правлением“, и, по словам Прокопия, он был главным виновником „огромных бед“, „поразивших племя ливийцев“ (ibid., § 2). В „Тайной истории“ Прокопий рассказывает о том, что Сергий пользовался покровительством императрицы Феодоры, поэтому „наказывать его или отрешить от должности императрица ни в коем случае не желала, хотя она видела, что Ливия шаг за шагом приближается к гибели“. Procop. Historia arcana, cap. V, § 32—33.

⁸ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXIII, § 1. Эти события относятся к 545 г. Vict. Toppen. Chronicon, ad anno 541, § 2, col. 200.

⁹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXIII, § 10; Corippus (op. cit., lib. IV, 41) сообщает, что отряд Гимерия сдался Стотзе в небольшой крепости Сегар. Другие авторы, в частности Прокопий, не упоминают названия этой крепости.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXIII, § 11—15. Хитрость состояла в том, что несколько солдат Стотзы, во главе с Гимерием, ведя связанных маврусиев, подошли к городу и, объявив страже о большой победе византийских войск над восставшими и о скором приближении главных сил под командованием Иоанна — сына Сисиниола, потребовали открыть ворота города. Когда ворота были открыты, повстанцы вошли в город и овладели им. Coripp. Johannidos..., lib. IV, 64.

в плен повстанцами „вполне добровольно остались со Стотзой“ (. . . πολλοὶ δὲ καὶ σὺν τῷ Στότζα οὖντι ἄκοντες ἕμειναν)¹.

Между тем в Гадрумете зрел заговор духовенства и знати против повстанцев. Во главе этого заговора стоял один из местных священников по имени Павел. Он решил тайно отправиться в Карфаген и призвать в Гадруммет византийские войска. Свой план он сообщил нескольким „почтенным гражданам“, которые должны были подготовить все в городе для принятия императорского войска². Заговорщики ночью спустили Павла на веревках со стены города, и он, наняв „за большие деньги“ рыбацью лодку, бежал в Карфаген. Однако Сергей, не располагая военными силами, смог дать Павлу лишь 80 солдат, и тому пришлось собрать корабли, нанять моряков и переодеть их в одежду римских воинов. Для этого, конечно, Павел должен был располагать большими денежными средствами, что лишний раз свидетельствует о том, что заговор в Гадруммете был составлен знатью. Придя к Гадруммету, Павел послал тайно своих агентов к „известнейшим гражданам“ (. . . πέμψας τινὰς λάθρα τοῖς τῆς πόλεως δοκίμοις. . .)³ и сообщил им о том, что якобы Герман, племянник императора, недавно прибывший в Карфаген, послал значительные войска на помощь Гадруммету. „Придав им этим мужества, он велит им этой ночью открыть одни маленькие ворота“⁴. Проникнув с помощью знатных заговорщиков в город, Павел с его воинами „. . . перебили всех врагов и возвратили под власть императора город“⁵. Заговорщиками же был распушен слух о приближении Германа с большой армией, слух, который должен был посеять панику среди повстанцев. Однако очень скоро выяснилось, что это известие ложно.

„Узнав правду“, повстанцы „были страшно раздражены, что, пощадив всех жителей Адрамета (Гадруммета. — Э. У.), они испытали от них такую несправедливость“⁶. Поэтому они стали беспощадно расправляться с ливийцами, в первую очередь со знатью. Среди знати началась паника, особенно в самом Гадруммете, когда повстанцы второй раз овладели городом. Многие бежали в Византию, в том числе и глава заговора Павел⁷.

Повстанцы, не встречая нигде сопротивления, стали фактическими хозяевами всей области. По словам Прокопия, Стотза вновь достиг большой власти и под его знамена собралось уже большое число византийских солдат: „одни из них пришли как перебежчики, другие с самого начала были им взяты в плен и по доброй воле остались у него“⁸.

Движение в Африке приняло столь угрожающие размеры, что Юстиниан должен был послать для подавления восстания своего приближенного Ареобинда⁹. Однако он не отрешил от должности и Сер-

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIII, § 17.

² Ibid., § 18.

³ Ibid., § 23.

⁴ Ibid., § 24.

⁵ Ibid., § 25.

⁶ Ibid., § 26.

⁷ Ibid., § 28—29. Возможно, что при расправе со знатью пострадали и другие жители провинции.

⁸ Ibid., § 31.

⁹ Ibid., cap. XXIV, § 1. Coripp. Johannidos. . . , lib. IV, 82—86. Ареобинд происходил из знатного рода и был женат на племяннице Юстиниана Прейекте; он был совершенно неопытен в военном деле. Назначение его на столь высокий пост объясняется родственными связями с императором. Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 1—3.

тия, пользовавшегося особым покровительством императрицы Феодоры, а разделил управление провинцией между тем и другим. Сергей должен был вести борьбу с повстанцами в Нумидии, Ареобинд — в Византии¹.

Но между Сергием и Ареобиндом начались разногласия, приведшие к отрицательным для правительства последствиям. Сергей, не желая подчиниться Ареобинду, не присоединился к войскам Иоанна, посланного Ареобиндом против Стотзы и маврусиев².

О сражении, происшедшем между войсками Стотзы и Иоанна, а также о гибели мужественного вождя повстанцев источник сообщает несколько противоречивые данные. Прокопий³, Виктор Тонненский⁴ и Комит Марцеллин⁵ говорят об одном сражении между войсками Стотзы и Иоанна, Корипп упоминает о двух⁶. Прокопий рассказывает, что битва произошла близ города Сикка Венерия, находящегося на расстоянии трех дней пути от Карфагена⁷. Виктор Тонненский, дополняя и уточняя данные Прокопия, сообщает что войска Стотзы и Иоанна встретились у местечка Тацеа (Thasea), расположенного недалеко от города Сикка Венерия⁸. Прокопий не сообщает даты этого сражения, зато и Виктор Тонненский и Комит Марцеллин единодушно относят его к 545 г.⁹ В описании гибели Стотзы рассказ Прокопия совпадает с данными Кориппа.

По словам Прокопия, Стотза и командир византийских войск Иоанн были в давнишней, непримиримой вражде друг с другом. И вот в начале битвы между полководцами обеих армий произошел поединок, в котором Стотза был смертельно ранен стрелой Иоанна¹⁰. Однако воины Стотзы, унеся своего вождя в безопасное место, с яростью бросились на войска Иоанна, разбили их, а его самого убили¹¹.

Победа восставших была полной. И хотя смерть Стотзы была тяжелым ударом для повстанцев, они продолжали упорную борьбу под предводительством некоего Иоанна, занявшего место Стотзы¹².

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 5.

² Ibid., § 7—8.

³ Ibid., § 8—16.

⁴ Vict. Tonnen. Chronicon, ad anno 545, col. 201.

⁵ Marcell. Chronicon, ad anno 545, col. 107.

⁶ Coripp. Johannidos..., lib. IV, col. 103 и сл. По словам Кориппа, во время первого сражения, вследствие разногласий между военачальниками Ареобиндом и Сергием римляне были побеждены и отступили, во втором сражении сперва были обращены в бегство маврусии, но подоспевший отряд Стотзы восстановил положение и повстанцы победили.

⁷ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 6.

⁸ Vict. Tonnen. Chronicon, col. 201. В Tabula Peutingerana Тацеа упоминается как город, расположенный на дороге в Карфаген и находящийся на расстоянии 26 тыс. шагов от Сикка Венерия.

⁹ Vict. Tonnen. Chronicon, col. 201. Marcell. Chronicon. ad anno 545, col. 107.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 11. Coripp., Johannidos..., lib. IV, 16, sq. Виктор Тонненский несколько иначе описывает этот поединок; по его словам, Стотза собственной рукой поразил своего врага и одновременно получил смертельную рану от Иоанна (Vict. Tonnen. Chronicon, col. 201). Рассказ же Комита Марцеллина совпадает с данными Прокопия и Кориппа (Marcell. Chronicon, ad anno 545, col. 107). Иордан говорит об этом поединке в общих чертах (Jord. Romana et Getica, col. 51). Он сообщает, что Стотза и Иоанн убили друг друга в единоборстве.

¹¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 12—14; Coripp. Johannidos..., lib. IV, 200 и сл. Текст Кориппа в этом месте несколько испорчен.

¹² Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 14; cap. XXV, § 3.

Юстиниан, чрезвычайно обеспокоенный успехами повстанцев, отозвал из Африки Сергия, а всю власть над провинцией передал одному Ареобинду¹.

Через два месяца после отъезда Сергия из Африки повстанцы, объединив все свои силы, двинулись на Карфаген. Войска маврусиев из Нумидии выступили под командованием своих вождей Кутзины и Иауды вместе с маврусиями Бизацены во главе с Анталой; к ним присоединился Иоанн со следовавшими за ним римскими солдатами, которого после смерти Стотзы мятежники поставили над собой начальником (Прокопий называет его „самозванным предводителем“)².

Повстанческое войско быстро двигалось к Карфагену и дошло до местечка Децим, где и расположилось лагерем. В это время Ареобинд, по словам Прокопия, стремясь отколоть от восставших часть неустойчивых элементов, стал вести переговоры о переходе на сторону правительства с одним из вождей маврусиев — Кутзиной.

Трудно сказать, насколько эти данные Прокопия достоверны, но во всяком случае они свидетельствуют о том, что неоднородность этнического и социального состава восставших, обусловившая неустойчивость некоторых группировок в их лагере, предательство отдельных вождей маврусиев чрезвычайно осложняли обстановку и ослабляли движение.

Этим, скорее всего, объясняется то, что руководство движением вновь попадает в руки представителей привилегированной верхушки армии — в частности, одного из видных византийских военачальников — Гонтариса, поднявшего восстание против правительства.

В то время, как армия повстанцев стояла под стенами Карфагена, Гонтарис произвел в городе вооруженный переворот, опираясь на часть солдат карфагенского гарнизона, которых он привлек на свою сторону обещанием уплатить им из своих средств все жалование, не выплаченное казначейством³.

По словам Прокопия, Гонтарис ставил своей целью захват власти над всей провинцией⁴ и, подготавливая переворот в Карфагене, тайно завязал сношения с повстанцами, стоявшими под стенами города; в частности, он вел переговоры с одним из вождей маврусиев — Анталой.

Гонтарис открыл ворота Карфагена перед восставшими маврусиями, однако те, не доверяя ему, не вошли в город, а, видимо, ожидали исхода переворота, возглавленного Гонтарисом. Прокопий говорит, что и сам Гонтарис сперва не хотел, чтобы повстанцы вошли в город, но открыл перед ними ворота для устрашения Ареобинда и его сторонников, — иными словами, он боялся народных масс и принужден был апеллировать к ним в своей борьбе против правительства⁵.

Произошла битва между сторонниками Гонтариса и императорскими войсками. Гонтарис одержал полную победу, а Ареобинд, показав себя трусом, бежал и спрятался в одном из карфагенских храмов. Захватив власть в городе, Гонтарис убил Ареобинда⁶.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 16; Marcell. (Chronicon, ad anno 546, col. 107) относит отъезд Сергия из Африки к 546 г.

² Procop. De bello Vandalico, cap. XXV, § 3. Об этом же говорят другие источники: Marcell. Chronicon, ad anno 545, col. 107; Jord. Romana et Getica, col. 51 и Theoph. Chronogr., 1, 211.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVI, § 1—20.

⁴ Ibid., cap. XXV, § 1; 6—10 Coripp. Johannidos..., lib. IV, 222—226.

⁵ Procop., De bello Vandalico, cap. XXVI, § 1—5.

⁶ Ibid., § 31—33; Coripp. Johannidos..., lib. IV, 200, sq.

Весьма важен тот факт, что после победы Гонтариса наиболее революционная часть повстанческой армии перешла открыто на его сторону, в то время как некоторые вожди маврусиев, в частности Антала, его не поддержали¹. По словам Прокопия, „солдаты же Стотзы, числом не меньше тысячи, узнав о том, что происходит, перебежали под руководством Иоанна на сторону Гонтариса, который охотно принял их в Карфаген. В их числе было 500 римлян, приблизительно 80 гуннов, все же остальные были вандалы“². Поддержка Гонтариса солдатами Стотзы объясняется, повидимому, тем, что вожди основной массы союзных им маврусиев, в частности Антала, открыто перешли на сторону Юстиниана.

Правление Гонтариса Прокопий описывает в самых мрачных тонах. Прокопий относится к Гонтарису с особой ненавистью, называя его „бешеной собакой“³, „самозванцем“⁴, „тираном“⁵, „самым безбожным из людей“⁶ и т. д. Он подробно описывает, как предательски поступил Гонтарис с Ареобиндом, сперва дав ему обещание сохранить жизнь, а затем безжалостно убив⁷, и т. д. Столь же резко враждебное отношение к Гонтарису встречаем мы и со стороны Кориппа⁸.

Подобное отношение Прокопия и Кориппа к Гонтарису объясняется тем, что Гонтарис не только вынужден был пойти на союз с восставшими народными массами, но под их давлением проводил политику беспощадного террора по отношению к сторонникам правительства. Большим влиянием в период правления Гонтариса пользовался некий Пасифил, „первый человек среди мятежников в Византии“, который активно помогал Гонтарису „в насильственном захвате власти“⁹.

По совету Пасифила, Гонтарис принимает решение перейти в наступление против сил, поддерживавших правительство¹⁰.

Гонтарис решительно расправляется в Карфагене со всеми его сторонниками¹¹. „Пасифилу же, которого он намеревался поставить во главе охраны Карфагена, он поручил перебить всех греков, не принимая ничего во внимание“¹². Можно предположить, что подобная политика отражала непримиримую ненависть населения Африки ко всем византийцам, ко всем представителям гражданской и военной администрации, ненависть угнетенных и обездоленных ко всем сторонникам рабовладельческой империи.

Именно эта политика террора, проводимая Гонтарисом, объясняет столь враждебное отношение к нему Прокопия и Кориппа.

Однако сам Гонтарис, используя народное движение, был тесно связан именно с привилегированной верхушкой армии и в своей политике руководствовался прежде всего своими личными честолюбивыми целями, а также интересами этой привилегированной верхушки.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 1—6; Jord. Romana et Getica, col. 51.

² Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 7—8.

³ Ibid., § 18.

⁴ Ibid., cap. XXVIII, § 12.

⁵ Ibid., § 13.

⁶ Ibid., § 28.

⁷ Ibid., cap. XXVI, § 30—33. Marcell. Chronicon, ad anno 547, col. 108.

⁸ Coripp. Iohannidos..., lib. IV, 220—243.

⁹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 21; Viet. Tonnen. Chronicon, ad anno 546, col. 201.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 36.

¹¹ Ibid., § 37.

¹² Ibid., § 38.

Так, например, он окружает себя высшими командирами византийской армии, перешедшими на его сторону, и знатными вандалами. На пир, устроенный им в карфагенском дворце накануне выступления в поход, он приглашает высших командиров и самых „знатных вандалов“, в то время как вождь героических войск Стотзы — Иоанн на этот пир не был приглашен, и его „Пасифил угощал отдельно“¹. Видимо, полного взаимного доверия между революционной частью повстанцев и Гонтарисом не было.

Затем, если верить Прокопию и Иордану, Гонтарис мягко обошелся с женой Ареобинда, племянницей Юстиниана Прейектой, намереваясь на ней жениться и, пороздумавшись с императором, заслужить его милости². Можно предположить, что Гонтарис хотел этим добиться от Юстиниана признания его наместником Африки.

Обстановка в Африке создалась весьма сложная. К Гонтарису, захватившему власть в Карфагене и пытавшемуся использовать широкие массы повстанцев, присоединилась часть высшего командования армии, втайне преданная правительству, с изменнической целью убить Гонтариса, обезглавить и подавить движение. Прежде всего это был Артабан, командир вспомогательного отряда армян, со своими приближенными, составивший заговор против Гонтариса³, затем Афанасий, приближенный Ареобинда, перешедший на сторону Гонтариса после его победы и сумевший льстивыми словами убедить того в своей мнимой преданности⁴, кроме того, некий Петр, бывший телохранитель Соломона, тайный сторонник правительства, принявший, впоследствии, участие в убийстве Гонтариса⁵, и др. Можно предположить, что особенно большое недовольство этой части командования вызывала политика некоторых уступок солдатам, проводимая Гонтарисом.

Гонтарис, доверяя Артабану, назначил его командиром войск, посланных против вождя маврусиев Анталы, перешедшего на сторону правительства. Вместе с Артабаном отправились в поход и вождь повстанцев Иоанн, преемник Стотзы, и телохранитель Гонтариса Улитей со своими войсками и с союзными маврусиями Кутзины. Поход был удачен, и маврусии Анталы были обращены в бегство, но Артабан, ведя себя предательски, не развил успеха, за что Улитей, заподозрив измену, хотел даже его убить. Однако Артабан сумел оправдаться и вернуться в Карфаген за подкреплениями, а в сущности для того, чтобы осуществить свое тайное намерение убить Гонтариса.

Коварный замысел Артабана был осуществлен, и Гонтарис был предательски убит во время пира приближенными Артабана⁶. После

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXVIII, § 5.

² Ibid., cap., XXVII, § 20—22. Прокопий утверждает, что Гонтарис сделал это по совету Пасифила. Ср. Jord. Romana et Getica, col. 51.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 9—19.

⁴ Ibid., cap. XXVI § 21—22.

⁵ Ibid., cap. XXVIII, § 3; 24; 28.

⁶ Ibid., § 1—34. Душой заговора против Гонтариса Корипп считает Афанасия и всячески прославляет его „славный подвиг“ — убийство „тирана“ (Coripp. Johannidos. . . , lib. IV, 231—242); Прокопий же называет руководителем заговора Артабана и именно его восхваляет за то, что он вернул Карфаген и всю провинцию Африку императору (Procop. De bello Vandalico, cap. XXVIII, § 42—44). Однако и у Прокопия есть указания на участие Афанасия в заговоре против Гонтариса (Ibid., § 35). Корипп, кроме того, сообщает, что вождь маврусиев Антала хвастался, будто лишь с его помощью Артабан смог осуществить свои планы по отношению Гонтариса (Coripp. Johannidos. . . , lib. IV, 367—370). Об убийстве Артабаном Гонтариса говорят все другие источники: Jord. Romana et Getica, col. 51; Vict. Tonnep. Chronicon, ad anno 546, col. 201; Marcell. Chronicon, ad anno 547, col. 108.

этого началась расправа с восставшими. Опираясь главным образом на военный отряд армян, Артабан перебил во дворце всех сторонников Гонтариса, в том числе знатных вандалов, приглашенных на пир, а затем неожиданно напал в городе на ничего не подозревающих „мятежников“ и многих из них убил. Среди убитых был и Пасифил. Вождь повстанцев Иоанн нашел убежище в одном из храмов, но затем был взят в плен и отправлен в Византию для расправы¹. О дальнейшей судьбе Иоанна Прокопий хранит молчание, однако Иордан сообщает о его трагической гибели. Отосланный в Константинополь вождь народного движения по приказу префекта был подвергнут страшным мучениям, ему были отрублены руки, а затем „в назидание другим“ (*ad exemplum ceterorum*) он был предан жестокой казни².

Описываемые выше события произошли весной 546 г., „на 19 году единоподержавного правления императора Юстиниана“³. Движение в результате вероломства и предательства чуждых народным массам элементов, проникших в лагерь повстанцев, было обезглавлено и пошло на убыль, хотя борьба продолжалась с переменным успехом еще до 548 г.

Однако и после этого „замирение“ Африки было, повидимому, весьма относительным. Не случайно же византийское правительство в 552 г. специальным постановлением вынуждено было признать, что колонны, бежавшие из поместий во времена вандалов и живущие среди свободных, не должны были возвращаться в свое прежнее состояние, а сохраняли свободу⁴. Это была уступка, вырванная у правительства движением народных масс.

* * *

Революционное движение в Северной Африке в правление Юстиниана, то разгораясь с большей силой, то временно затухая, длилось около 15 лет, с 534 по 548 г. Оно охватило большую территорию: Бизацена, Нумидия, Авразия, самый Карфаген длительное время были ареной ожесточенной и героической борьбы народных масс.

Движение было массовым. В нем принимали участие различные социальные силы — солдаты византийской армии, рабы и колонны „варвары“ маврусии. Армия повстанцев насчитывала тысячи воинов.

Движение приобрело ярко выраженный антирабовладельческий характер. Гнев народных масс обрушился не только на правительственных военных и гражданских чиновников, но и на представителей рабовладельческой знати, римской и туземной. Народные массы проявили необычайную стойкость и героизм. Примером доблести и мужества является деятельность вождя восстания, простого солдата Стотзы, отдавшего свою жизнь борьбе за свободу.

В ходе вооруженной борьбы повстанцы одерживали блестящие победы, не раз нанося поражение византийским войскам. Многие видные византийские полководцы, — в том числе наместники Африки Соломон и Ареобинд, крупные военачальники — Иоанн, Айган, Руфин и др., — сложили свои головы во время восстания.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVIII, § 37—40; Marcell. Chronicon, ad anno 547, col. 108.

² Jord. Romana et Getica, col. 51.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVIII, § 41.

⁴ Nov. Just., ed. Schoell, App. VI.

Это была, следовательно, народно-освободительная война огромных по тому времени масштабов.

Революционные события в Северной Африке в 30—40-х годах VI в. являются одним из наиболее ярких примеров слияния восстаний в армии с широким движением народных масс. Они знаменуют собой новый этап классовой борьбы в рабовладельческой империи, когда в эпоху глубочайшего кризиса рабовладельческой системы солдаты из силы, используемой господствующим классом против народа, превращаются в силу, активно поддерживающую революционную борьбу народных масс. Это объясняется глубокими социальными и этническими переменами в составе византийской армии, все более растущим расслоением внутри нее. Солдатская беднота, вербуемая из рядов обезземленного и обездоленного крестьянства, близка теперь по своему социальному положению к угнетенному народу, поднимающемуся на борьбу с миром рабовладения. В этот период складывается союз солдатской бедноты со всеми угнетенными и обездоленными — рабами, колонами, обезземленным крестьянством. Борьба за землю, за социальную, политическую и религиозную свободу, общая ненависть к угнетателям объединяют их. Этот союз в ходе борьбы с общим врагом — рабовладельческой империей — упрочивается и крепнет.

Вместе с тем пестрота социального и этнического состава восставших, предательство социально-чуждых народу элементов, примкнувших к движению ради достижения своих корыстных целей, неустойчивая позиция ряда вождей „варварских“ племен, стихийность и неорганизованность, отсутствие твердой дисциплины — все это ослабляло движение, приводило к расколу в лагере повстанцев, распыхало их силы и облегчило правительству борьбу с восстанием.

Революционное движение в Северной Африке в 30—40-х годах VI в. сыграло свою исторически положительную роль. Вместе с борьбой народных масс Италии и самой Византии борьба народных масс Северной Африки ослабила натиск рабовладельческой реакции на Запад, обессилила ее и тем самым, в конечном счете, способствовала окончательной гибели рабовладельческого строя, облегчила переход к новой, более прогрессивной феодальной формации.
